

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

10 / 2020

2020

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО «ИПО «У Никитских ворот»

Издатель:
АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии»

*Журнал издаётся при информационной поддержке
«Литературной газеты»*

Главный редактор:
Максим Замшев

Руководитель проекта:
Екатерина Цыганкова

Корректор:
Любовь Ремова

Дизайн-макет, оформление обложки:
Полина Адамова

Компьютерная вёрстка:
Алина Симонова

Адрес редакции:
*121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5 стр. 1, к. 36.
Тел.: 8 (495) 690-50-72, 691-63-36
E-mail: acpoetry@mail.ru*

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2020
© Издательство «У Никитских ворот», 2020
© Коллектив авторов, 2020

ISBN 978-5-00170-194-1

9 785001 701941 >

ТЕМА НОМЕРА:

«150 ЛЕТ И.А. БУНИНУ. РОДИНА. ЛЮБОВЬ.

НОСТАЛЬГИЯ»

1

ПОЭЗИЯ

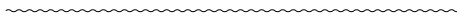

АНТОНИНА БЕЛОВА

Памяти И.А. Бунина

1

Сен-Женевьев-де-Буа,
солнце в прохладе осенней...
В сердце как искры слова
из глубины о прощенье.
Как я хочу, чтоб лились
тихие русские речи,
осень не выстудит близь,
ветру не съесть мои свечи.
Нет, не задуть той свечи
там, у могилы далёкой,
солнца сочились лучи
над тишиною глубокой.
Сколько здесь русских легло,
ладанки – с нашей землёю...
Как мне сейчас повезло
здесь оказаться с тобою,
чтоб поклониться земле

Белова Антонина Васильевна — филолог-русист, стихи пишет с детства, автор восьми поэтических книг, олимпийский победитель, призёр и лауреат многих поэтических турниров и фестивалей. Кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей России.

этой чужой, хоть не смею.
Та же – далёко, во мгле...
Спите, сердца ваши с нею.

2

За твоим окном в Париже
всё струится ясный свет...
Не печалься, сядь поближе –
я не буду здесь сто лет.
Оглянись, вернись, опомнись.
Дни, как листья, улетят.
Не молчи, судьба, исполнись –
небеса о том гласят...
Из реки зелёной этой
не напиться нам с тобой,
царской – золотой монетой
жизнь расплатится с судьбой.

3

В Париже осень, солнце и тепло.
Забытых лиц вдруг обретёшь значенье,
и к прошлому души прикосновение
откроет то, что будто бы ушло.
И вспомнишь боль, и радость, и глаза,
в них грусть и смех, печаль – всё воедино.
И смелая, счастливая слеза
подскажет, что любовь – первопричина
всего... Глоток парижского дождя,
что невзначай среди солнца смело брызнет,
как жизнь прими – как робкое дитя
перед её загадкою капризной.

Волга и Сена

Париж – на Сене, Волга – на Руси...
Реке с рекой не слиться и вовеки,
но в безотчётно-ласковом мерси –
любви моей наполненные реки.

Текут они, не ведая преград,
они несут в себе тугую воду.
И я шепчу: «Да здравствуй, Волгоград,
прекрасным будь душе моей в угоду!»

А там, где пьёт в ночи Трокадерó
бессонных сенных волн ночную влагу,
я улыбнусь весёлому Пьеро,
чтоб ни слезы на памяти бумагу –

чтоб не забыть твоей любви, Париж,
беспечной лёгкости, и тайны встречи,
и песен отовсюду – из-под крыш,
и отголосок старой русской речи...

И Нотр-Дама оттиск над рекой,
в веках пронзивший небеса живые...
В открытом сердце благодать и покой,
и радости потоки заревые.

Париж – на Сене, Волга – на Руси,
как заклинанье, я твержу в Париже,
в реку глядясь, – но ты меня спроси:
– Что сердцу ближе? – Волга, Волга ближе!

* * *

Ноябрьская осень в Париже,
а в Сене вода зелена...
Сейчас ты значительно ближе,
но я, словно Сена, одна.
И ей не расскажешь на русском,
она не поймёт ни за что,
как можно не встретиться в узком
пространстве любви, где никто
не даст нам ответа о счастье,
не скажет, как сердцу гореть,

как редко, а может быть, часто
дано от любви умереть...
Она, как русалка, смеётся,
сквозь струи лепечет своё,
на западе с морем сольётся –
я брошу обиды в неё.
Пусть осенью нежной в Париже
лишь ветер целует меня –
мне солнце на память нанижет
осколки последнего дня.

ШАЛВА БЕКУА

Наказ дочери

Встречая день, весёлой будь
И помни: ты – творенье Бога.
О грустных мыслях позабудь
И не суди соседей строго.

Молиться чаще, честно жить,
Твори добро с душой открытой,
Старайся людям не грубить
И будь беспомощным защитой.

Родных лелей, дари улыбки,
Пытайся близких меньше злить,
Звони порой и шли открытки,
Не забывая их хвалить.

И Ангел, Господом дарённый,
Преграды видя впереди,
С душой твоею обручённый,
Поможет к счастью путь найти.

Векуа Шалва – ветеран труда СССР, почётный железнодорожник МПС СССР. Кандидат технических наук. Мастер спорта СССР по плаванию. Член МГО Союза писателей России.

МАРИНА ЗАВЬЯЛОВА

Майским утром

Такое солнце майским утром!
Поёт и светится весна.
Сверкает небо перламутром,
И птицам снова не до сна.

Жизнь – это чудо, это сказка,
Она прекрасна, как мечта.
Ребёнок открывает глазки,
И в них такая красота!

И у весны глаза ребёнка,
Листочки пахнут молоком.
Она сама ещё девчонка,
Ей запах тлена незнаком.

Завьялова Марина Анатольевна – москвичка, работает в сфере телекоммуникаций и IT. Состоит в Союзе писателей России, награждена медалями им. Чехова, Лермонтова и Маяковского, автор девяти книг поэзии и прозы. Стихи переведены на французский, испанский, английский, немецкий и болгарский языки. Автор публикуется в альманахах «Золотое руно», «Литературная республика», «Облака вдохновения», журналах «Юность», «Новые витражи», «Кольцо А».

Ей танцевать бы, веселиться,
Играть в скакалочку и в мяч.
Водой из родника умыться,
Взгляд так наивен и горяч!

А солнце брызжет над планетой,
И верить хочется в мечту.
Надежда превратится в лето
Под сенью яблони в цвету.

2 мая 2020

Карантин в Москве

Мой город пустой так прекрасен и свеж.
Живёт, несмотря на беду.
И жители в нём не теряют надежд,
Оставшись в цветущем аду.

Здесь время застыло, и страх за спиной
Преследует день ото дня.
Здесь каждый с рассветом в молитве одной
Склонился: помилуй меня...

На лицах нельзя ничего прочитать,
Там маски, и только в глазах
Бушует смятенье, попытка понять,
За что беспощадность и страх.

Мой город, спаси и сердца сбереги
Сквозь длинные зыбкие дни.
А вечером в парках не видно ни зги,
Лишь в небе мерцают огни...

16.05.2020

Тревога

В соседнем парке яблони цветут.
Такие нежные, румяные как будто...
На ветках птицы о любви поют,
Весна отсчитывает свежести минутки.

Прохладный дождь размочит пустоту,
Зальёт слезами прежние надежды.
Ты ищешь жизнь потерянную, ту,
Что не ценил, не наслаждался прежде.

Вернётся ли пропавший рай земной:
Свободы ощущение, планов радость?
Пока лишь страх маячит за спиной,
Болит душа и тяготит усталость.

А птицам в старом парке всё равно –
Выводят трели, радуются свету.
Жизнь крутит дальше пёстрое кино,
Ты веришь в счастье на пороге лета...

24.05.2020

Нет ничего прекраснее цветов

Нет ничего прекраснее цветов.
В них радость жизни, прелесть красоты.
Сирени цвет подскажет смысл без слов,
Жасмин укроет флёром чистоты.

Шиповник мёдом воздух подсластит,
Изящества добавят глазки лилий.
Пион-король торжественно молчит,
Ромашки ждут – о чувствах не забыли...

Люпины нежно смотрят в облака,
За облаками – даль, простор лугов...
Жизнь удивительна, но очень нелегка
Среди прекрасных трепетных цветов.

20.06.2020

ВИЛЕН ИВАНОВ

Из цикла «Социологическая рефлексия»

Желание знать

Гражданин России хочет знать,
Знать не только, где какие цены,
Кто из элиты явный Дон Жуан,
Скрывающий свои измены,
Кто с кем играет в бадминтон
Или досуг в какой стране проводит,
В чём удовольствие находит
И радости какой лишён.
Он (гражданин) желает знать:
Кто виноват в сегодняшних провалах
И должен за провалы отвечать,
Когда закончится правление либералов,

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный член военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Почётный гражданин г. Минниаполиса (США). Полковник в отставке.

На что он может уповать,
Чего от государства ждать,
Что впереди? Он хочет знать,
И знать наверно.
Желанье это, несомненно, закономерно.

Политика и ментальность

Политика верхов в противоречье явном
С ментальностью российских граждан.
История о том нам говорит,
Что важен нам не индивид,
Приоритетно нам важна община,
В сравненье с частным – общий интерес
Всегда имеет перевес,
И в том провалов нынешних причина,
Что власть не хочет этого понять,
Что власть не хочет этого принять,
И потому движенье наше
Напоминает черепашье.

Мы и коронавирус

Признать нам всё-таки пришлось,
Что вирусу немало удалось,
Он за каких-то пару дней
Смог изменить общение людей,
Такого мы не знали ранее,
Чтобы работать и учить,
Играть, и спорить, и лечить –
Всё на приличном расстоянии.
И маски, поборов смущение,
Как редкостное украшение,
Мы соглашаемся носить.
Смириться с этим всем придётся,
И ещё долго с ним бороться
Нам предстоит, чтоб победить.

Актуальное

Нам, легковерным, в назиданье
История задачу ставит так:
Преодоление вирусных атак
И новой жизни созидание.

Проблемы

Хорошо известна эта тема,
И уже, увы, не первый год,
Постоянно множатся проблемы,
А решение серьёзно отстаёт.

* * *

Там, где не правит государство,
Там правит рыночный дикарь.

Белорусский майдан

Запад снова учинил бедлам,
Натравив на Батьку активистов,
Пожелаем искренно сябрам
Усмирить быстрее авантюристов.

* * *

История об этом говорит:
Чтоб управлять великою державой,
Власть не должна быть мелочной и слабой,
Жизнь за слюнтяйство жёстко мстит.

* * *

Кажется, теперь мы понимаем:
Чтоб идти всегда своим путём,
Нужно жить всегда своим умом,
Никому ни в чём не подражая.

Бессмертный полк

Отцы и деды пали за свободу,
Мы память о героях бережём,
Бессмертный полк, в котором мы идём,
Нас снова делает народом.

Есенину – 125

О нём пишу с любовью и тоской,
Есть стихи, на пьяный бред похожие,
Есть с цветами на лужайке схожие,
Есть как терпкий травяной настой.
Он поэт весёлый, грустный, нежный,
Временами дерзкий и мятежный,
Временами чересчур скандальный,
Но всегда бесспорно гениальный,
Равного ему, пожалуй, нет,
Самый что ни на есть исконно русский,
Чародей заманчиво искусный,
Преданный своей земле поэт.

РИТА КАРАМЫШ

Половчанка

Безмерно горды половчане победой и знатной добычей:
Нескоро ещё ликование утихнет под пологом ночи.
Расчётливый хан половецкий, минуя старинный обычай,
Свою смуглолицую дочку за пленного княжича прочит:

Приносит не только победы тревожное с князем соседство,
Враждебность избыть вековую – задача совсем не простая;
Достойная пышная свадьба – к сближению верное средство,
А княжич и дочка поладят: сговорчива кровь молодая...

На дочери хана обновки – узорный бешмет и чувяки,
Блестят из-под шапки песцовой раскосые чёрные глазки;
Она, среди бойких подружек укрывшись в ночном полумраке,
Глядит, как творят половчане свои ритуальные пляски:

В кругу, будто конники, скачут и тянут незримые луки;
Взлетают незримые сабли, топочут без усталости ноги;
Напружены потные торсы, топорчатся хищно треухи –
Картиною битвы довольны должны быть кипчакские боги...

Карамыш Рита – московская поэтесса, автор четырёх поэтических сборников. Член Союза писателей России с 1997 года. По образованию – филолог.

Почётные пленники-гости посажены на возвышенье –
На хмурых, подавленных лицах кострового пламени блики;
Похоже, едва прикоснулись к мясному они угощенью
И молча взирают на пляски, обрядные слушая крики.

Хорошенький княжич томится: не знает, крепясь еле-еле, –
И к лютой немедленной схватке, и к риску побега готовый,
Что зорко в ночном полумраке «добычу» уже оглядели
Раскосые чёрные глазки, блестя из-под шапки песцовой.

Зачем этот брак половчанке? – Она с малолетства слыхала
О землях, где жители мирны, и светловолосы, и рослы;
Неведомо им кочеванье, их кони волочат орала,
А в градах зажиточных люди старательно правят ремёсла.

Изделия их – загляденье, не знаешь, какое и краше,
Товарами щедро торгуют – ладьями пестреют их реки;
Другие там ставят жилища, иначе пируют и пляшут –
Всё знают о них половчане: недаром ходили в набег.

А ну как повадится княжич совместной едою гнушаться,
Тоскуя, потянется сердцем к рабыне её – полонянке?
А если начнёт над нарядом супруги тайком потешаться
И брезговать запахом тела? Зачем этот брак половчанке?

Пойдёт она утром к шаману, поведаёт девичьи думы.
Отправится с бубнами в степь он, к просторам её молчаливым:
Ответят пускай из балбáлов* бессмертные гулкие духи,
Захочет ли княжич жениться и будет ли брак тот счастливым.

...Воротится девушка в юрту, сияя: решились вопросы!
В раздумье попьёт, как обычно, кумыса кобыльего на ночь...
И ночью приснится ей мальчик: не светленький – темноволосый,
Но розовый и синеглазый, как пленный хорошенький княжич.

* Половецкие (более древнее название – кипчакские) каменные идолы.

АЛЛА КРЕЧМЕР

Бунин

Он всё медлил и медлил, как будто на что-то надеялся;
Слушал сводки с фронтов и не верил, что время пришло.
На январском ветру гнулось оземь замёрзшее деревце,
И покрытое инеем белым казалось стекло.

Он с отъездом тянул, а народ штурмовал пароходы;
И холодное солнце слепило глаза им до слёз.
Там чернели у пирса морские студёные воды,
И кричал на толпу ошалевший от давки матрос.

Наконец-то решился и он. Покидая Россию,
Тосковал. Напоследок в каюте к окошку преник.
Захватил он не то, что другие с собой увозили, –
Это были сюжеты ещё не написанных книг.

Он смириться не мог с тем, что родины мир был разрушен:
Всё, что дорого сердцу, – растоптано, брошено в грязь.
В окаянные дни сохранил он ранимую душу
И сберёг до конца он с Россией незримую связь.

Кrechmer Алла Николаевна – автор 4 романов и 3 поэтических книг, лауреат и финалист различных конкурсов и фестивалей. Печаталась в альманахах в Израиле, России, Беларуси, Бельгии и Германии.

ВАСИЛИЙ МУРЗИН

* * *

Нам некуда больше идти,
Гламур выжигает дух,
Вагончик метро идёт в тупик,
Чем глубже выдох,
Тем меньше вдох.
Нам некуда больше спешить,
Течение обратилось вспять.
Я в реку войду, я хочу уплыть
В детство
И с нуля начать!

* * *

No place to go anymore
And glamour you soul will burn,
While subway car travels for none.

Мурзин Василий – постоянный автор «Литературной газеты». Победитель конкурса «ПОЭЗИЯ 2018-2019» Московской городской организации Союза писателей России. Автор коллективных сборников МГО СПР. Номинирован на премию VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2019).

The more you exhale,
The less you inhale.
No place to hurry up now,
The current is flowing back,
I want to return to the river
And swim to my childhood to start
All just once again
from scratch.

* * *

Снег – как пух,
Как воздух,
Лёгок, невесом.
Так молчит река
Подо льдом.
Так зажигаются
И гаснут звёзды!
Белый снег –
Молчит...

* * *

Snow, like fluff, like
Air,
Light and fine,
Like river
covered with ice,
Like burning
and fading
stars!
White snow –
Keeps silence!

* * *

Нева, стою у края,
Вода бурлит, и, с волнами играя,
Уходит вапоретто,
Хотя река не та
И всё не то.
Но красотой любуюсь,
Об этом забываю.
Я здесь бываю.
Не здесь я не бываю.
И красота как зеркало
Застыло,
А я в него смотрюсь!

* * *

At the bank of the Neva I stare,
Water's raging, and waves gaily play,
My vaporetto's gone,
Though river is another
And everything is other,
But beauty stays the same.
Of this I will forget, it's clear
I'm always here
Or somewhere near.
And beauty, like a mirror
is so still,
I look at my reflection!

СЕРГЕЙ ЧЕРНОГЛАЗКИН

* * *

Не подумайте – это не ново,
Это в сердце веками живёт:
Из трясины нас выведет слово,
Ото всех заблуждений спасёт.
Свет наш – литературоцентричность –
Учат нас золотые умы,
Что – недвижимость или наличность... –
Только словом мы укреплены.
От пророков, отцов златоустых,
От певцов Колокольных Земель
К нам приходит словесности чувство
Через опыт грехов и потерь.
И сиянье приходит молитвы
Через бури потерь и грехов,
И в душе, в нашем поле для битвы,
В строй смыкаются ритмы стихов.
Эта боль никогда не отступит,
Эта сила навеки сильна,
Все, как есть, безземельные люди,
Стынь Земли ощущаем сполна.
Управляемся всё ж – Небесами,

Черноглазкин Сергей Юрьевич родился в 1964 году, проживает в городе Москве. Автор книг стихов и других публикаций. Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов. Член Российского союза писателей.

Вещим словом на вечных путях.
...Поплутаем глухими лесами –
Да и выйдем к рассвету на шлях...
И от века так было и будет
Средь родных кривоватых осин –
Там, где Пушкин, где Тютчев и Бунин... –
Твердью духа и буквы Руси.

В старобунинских местах

Прикупить бы, что ли, дачу
В старобунинских местах,
Погрибничить, порыбачить,
Поглядеть на местных птах.
Выйти вечером из баньки,
Затянуть «люли-мали...»,
На разлив чужой тальянки
Отозвавшись из дали.
А вокруг светло и свеже,
И пока что не свежо.
Из зари своей нездешней
Прогудит ещё рожок.
Закурлычет балалайка
Да гитара зажурчит,
Запоёт река Незнайка... –
Вся Россия зазвучит.
Будет сердце тихо таять
Тишине и звукам в такт...
Жизнь хорошая такая
В старобунинских местах.

* * *

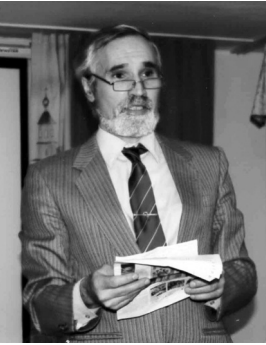
За годом – год, снега с дождями
Да зной неистовых ветро́в,
И Блок отстал, и Северянин
Остался памятью стихов.

Когда-то было, было, было –
Они казались вдалеке
Последней датой поlynной
На жёсткой каменной доске.

А нынче эти окоёмы
Их цело-жизненных дорог
В произведениях знакомых
Вычитываю между строк.

И малость окоёмов этих
Теперь уж я преодолел,
Перешагнул на этом свете
Среди снегов, дождей и дел.

И только лишь ещё под солнцем,
Как знаменосец на ветрах –
Со мною Бунин остаётся
И молодеет на глазах.

ОЛЕГ ШИРЯЕВ

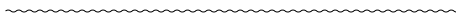
Ностальгия

Мой край, тебя не узнаю...
Всё обветшало, поистлело.
Но и таким тебя люблю,
Где детство радостно горело.

Деревья те, что в рост со мной
Росли и крепили на приволье,
Качают кроною густой:
Не быть уж молодыми боле.

И дуб столетний и большой
Хранит секрет того былого,
Как жёлудь детскою рукой
Я рвал с него, их было много.

Трофеи эти я хранил
В коробке, с чем-то ещё важным,
Да сколько я уж позабыл,
Как плавал на плоту отважным.

Ширяев Олег Леонидович, член Союза писателей России, лауреат премии А. Блока «Покой нам только снится», награждён медалью МГО СПР «Родина-мать зовёт!». Много лет служит алтарником в храме Донской иконы Божьей Матери в Перловке, пишет стихи и прозу, рисует акварелью.

Тот пруд уменьшился, зарос
Травой болотною и тиной,
Но там я промокал от рос,
Когда шёл с удочкой низиной.

И было это так давно!
И было это всё недавно!
Но в жизни нам предрешено
В один из дней уйти нежданно.

* * *

Запорошило снегом деревья,
В белых шубах берёзы стоят.
А вдали, за пригорком, деревня,
Огоньки там надеждой горят.

Постучусь я с просьбой в избушку,
И приветливо встретят меня.
Сдвину шапку свою на макушку,
Сбросив груз до утра у плетня.

Отдохну после долгой дороги,
Отогреюсь от лютой пурги.
Как устали озябшие ноги!
Ох и вьюга! Не видно ни зги...

Треск поленьев берёзовых, жарких
Греет душу, в избушке тепло...
Чай горячий, с баранками, сладкий –
И усталость мою унесло.

Хорошо в этой тихой деревне,
Вдалеке от большого пути.
Нет, она не в другом измеренье,
Только трудно её обрести –

Ту избушку из дальнего детства,
Песнь сверчка за прогретой доской
И ребят, что со мной по соседству
Убегали с уроков домой.

Пролетела по снежной дороге
Тройка детства и скрылась едва,
Как уже на другом я пороге,
Поседела моя голова.

И уже не тревожат ребята,
Разлетелись по разным краям.
Только манит всё память куда-то,
Шлёт привет моим старым друзьям...

* * *

В прошлое вернуться так непросто:
Всё травой давно уж поросло...
В рюмочной возьмёшь два раза по сто –
И воспоминанье обожгло.
Улицу родную замостили –
И теперь не дышит, там асфальт,
Где в хоккей-футбол порой любили
На проезжей части поиграть.

Не было машин в далёком детстве,
Раза два проедет грузовик
Или дядя Вова по-соседски
Нас прокатит – добрый был мужик.
Улица родная изменилась –
Сколько лет не виделись с тобой.
Ты, наверно, всё же мне приснилась,
И всё это было не со мной.

В казаки-разбойники играли,
Бегали на взрослое кино,
И деревья с нами подрастали...

Боже мой, как было всё давно!
Сорок пять, квартира восемнадцать, –
Этот адрес не забыть вовек.
Памятью своей не стану хвастать,
Жизни только не замедлишь бег.

Время отнимает наше детство,
Новому на старость наплевать.
И в аптеке не купить то средство,
Чтоб туда на время, но слетать.

* * *

Уводит вдаль дорога странствий,
Вслед облакам плыву по ней.
И сколько встретится препятствий,
И хочется любить сильней
Родные рощи и равнины,
Текущих вод стремнины
И с поволокою рассвет...
Не знаю только, сколько лет
Осталось мне на белом свете
Жить в постоянной суете,
Искать, не находя ответа,
Поддавшись призрачной мечте.

2

проза

ТАТЬЯНА БАТАЛОВА

Солнце, или Аромат счастья

Лара сидела на небольшой табуретке на балконе своего двенадцатиэтажного дома и наслаждалась первым весенним теплом.

«Солнце! Я попросила, и оно пришло, пусть с ветром, но пришло. Вот оно смотрит мне в лицо своим грустным теплом, греет мне грудь, руки, колени... Оказывается, если чего-то очень хотеть – это сбывается» – так думала Лара, вспоминая свою непростую и такую желанную жизнь.

Когда-то очень давно, когда Лара жила с красивым и умным мужем и у них не всё ладилось, она подумала: «Лучше бы ты мне изменил...» Так она только подумала, мучаясь в очередной раз от невысказанных эмоций души и тела. И вдруг мысли стали реальностью. Это Лариса осознала потом, а тогда она не понимала, что происходит. Они с мужем

Владимирова Татьяна Александровна родилась в Новосибирске в семье военнослужащего. Фамилия Баталова – литературный псевдоним, родовая по материнской линии.

Окончила Московский авиационный институт. Член союза писателей России с 2010 года – МГО СП России.

Писать стихи Татьяна Александровна начала уже в зрелые годы. Также пишет рассказы, сказки, стихи для детей. Печатается в различных изданиях, в журналах, в альманахах.

Член Клуба мастеров современной прозы «Литера-К» журнала «Клаузур».

Дипломант международного литературного конкурса «Славянское слово» 2019 года в номинациях – «Поэзия» и «Проза».

стали отдаляться друг от друга, и случился развод. Дети остались с Ларисой.

Несколько минут Лара сидела неподвижно. Она вспоминала. Тёплые лучи весеннего солнца по-прежнему грели и напомнили Ларисе то далёкое, великое и важное, которое случилось с ней, несмотря на все перипетии её изломанной жизни.

Когда долго, как заведённая, работаешь, – мечтаешь об отпуске. И она мечтала. Мечтала увидеть горы. Море видела, а вот горы – никогда. Благо тогда были ещё профсоюзные путёвки, и Лара решила поехать в санаторий по путёвке. Выбрала город Кисловодск. Удалось, путёвку купила.

И вот она в курортном городе Кисловодске. Он сел в маршрутку следом за ней и завязал разговор с водителем. Лара обратила на него внимание. После развода она стала поглядывать на мужчин. Ничего примечательного: серый костюм, внешность обычная.

В маршрутке их было только двое отдыхающих. И вот машина мчит по городу в сторону санатория. Чистый, уютный, южный город встречает их солнечной ясной погодой. Маршрутка останавливается. Взору открывается панорама: на возвышении белое полукружьем здание санатория «Кисловодск».

– Вот это да! – радостно восклицает Лариса. – Пошли!

– Кстати, меня Виктором зовут. Позвольте помогу, давайте чемодан.

В холле санатория медицинская сестра, оформлявшая документы вновь прибывших отдыхающих, спросила: «Вы муж и жена?»

– Да нет! – смутившись, ответила Лариса.

Её поселили на третьем этаже, его – на пятом.

Так начиналось их знакомство, тот курортный роман, который не прервался, а перерос в бесконечную цепь встреч и расставаний, сомнений и ожиданий, вереницу дней без него, годы томительного недуга, называемого любовью.

Эльбрус был виден с балкона санатория. Непостижимое чудо – сияние белоснежных вершин Эльбруса – настигло встревоженную, так жаждавшую любить душу Ларисы.

Солнечный день. Пасха. Голубые глаза сияли ей навстречу.

– Давай похристосуемся!

Лёгкое потягивание за футболку, внутри у Лары всё переворачивается. Обмен поцелуями в щёку, глаза навстречу, губы... И вдруг он наклоняется и целует её в губы. Ничего подобного Лара давно не испытывала.

Время словно остановилось, и она отдалась во власть неведомой, захлестнувшей её горячей волны.

Последний апрельский день положил начало удивлению, радости, какому-то счастью, которое шевельнулось в душе и заявило о себе радостным блеском глаз.

С этого дня в душе обоих рождалось нечто большое и важное, то, что они сами ещё не понимали, но чувствовали.

Были долгие синие сумерки. Таяло на закате солнце, и ослепительно сверкали две снеговые вершины Эльбруса в своём торжественно-радостном облачении в райское южное небо.

Эльбрус был виден из окон столовой. Во время ужина Лара каждый раз любовалась двумя снежными вершинами в закатном солнце.

Были тёплые южные ночи, особенно прелестные, и большие мерцающие звёзды над головой, и долгие объятия на балконе санатория. Утренние шипучие нарзанные ванны, мягкие ковры коридоров и поцелуи в лифте – всё это прочно жило в памяти Лары и сливалось в одно сладостное воспоминание весны, новизны и молодого чувства счастья.

Так живо, так молодо светилось небо. Памятен был его знойный блеск и серпантин пешеходных дорожек в горы со смолистым запахом горных сосен. Лару удивляли жёлтые первоцветы на полянках зелени, а высоко в горах – простор, панорама города, открывающаяся взгляду с высоты, и лёгкий ласкающий ветерок. От всего этого захватывало дух.

Ясная высокая синева жила в душе Ларисы каким-то перевозчанным, маняще-чистым воспоминанием.

Незабываемой была поездка на Домбай.

Был ранний подъём в шесть часов утра. Подали автобус. Заря ещё только начинала своё шествие по сонному утреннему небу, но с каждой минутой краски её становились всё явственней и ярче, всё ярче проступала голубизна, блестящая от ярких лучей восходящего солнца.

Отдыхающим предстояло ехать четыре часа к месту назначения в долину Домбая по извилистой, с крутыми поворотами горной дороге. Лариса почти не замечала времени, любимый был рядом, и она, любуясь красотами природы за окном автобуса, чувствовала его тепло, его близость.

Остановка в заповедной зоне. Небольшой отдых в заповеднике, воздух здесь – пей, черпай горстями, и горная река Теберда с прозрачной светло-зелёной холодной водой. И снова в путь.

Небольшой перекус чебуреком, купленным в дороге у женщины-осетинки.

А вот и Домбай. Все отдыхающие выходят из автобуса. Предстоит подъём на высоту к горному массиву по канатной дороге, времени – два часа. Через два часа – обратный путь в санаторий.

Такой красоты Лара не видела никогда. Впереди вверху – ослепительные вершины Домбая, кажется, можно достать рукой. В горной долине внизу – цветущие фиалки, высокие сосны, над которыми они с Виктором проплывали в кабине канатной дороги.

Остановка и следующий перевал. Всё ближе вершины гор, последний перевал решили не покорять, полюбовались здешними красотами гор в ослепительно-белом снегу.

Обратный спуск по канатной дороге: кажется, что летишь в пропасть, дух захватывает от красоты, чувства парения и чистоты воздуха; впереди – горы, сзади – горы...

Вот и горная долина, посадка в автобус, и в путь, в родной санаторий.

Всё это Лара отчётливо помнила. Помнила, как разыскивала Виктора в Москве по телефону (оказывается, он был в госпитале по ранению). Помнила все их редкие встречи.

– Солнце моё! – слышала она сквозь хриплое пощёлкивание телефонной трубки. Такой родной, такой знакомый голос!

Он, офицер ФСБ, умер, не дожив до пятидесяти лет. Не выдержал бойни людей. Судьба забрасывала его в горячие точки. Настоящий был человек, мужчина. Предан был своей стране, своему народу.

Лариса понимала это. И она была благодарна провидению за все испытания, выпавшие на её долю, за встречу с человеком, истинно русским по доброте и достойным восхищения по своему мужеству.

Но тогда... тогда ей хотелось быть чаще с любимым. А телефонные звонки становились всё реже, и Виктор неуловимо ускользал от неё в мрачную неизвестность. Счастье с ним было таким хмельным и таким мимолётным.

Никогда Лариса не забудет эти его слова: «Ты изумительнейшая женщина!».

В этом было и чувство восхищения, и чувство нежности. И её душу, такую щедрую в радости, охватывало чувство счастья, и она отзывалась благодарно на эту нежданную ласку, не давая исчезнуть чему-то необыкновенно большому и радостному.

Лариса по-прежнему сидела на своём балконе и грелась в лучах горячего весеннего солнца. Она чувствовала что-то неизъяснимое, что-то щемяще прекрасное и печальное.

Лара подняла лицо к солнцу и улыбнулась. Она поняла, что любовь – это солнце. Солнце внутри, солнце в глазах, когда глаза лучатся и сияют тихим светом радости. И нежность, нежность течёт по всем твоим жилам!..

И теперь иногда солнце приходит к ней. Вот и сейчас оно смотрит ей в лицо, греет... и где-то внутри будит сладкую боль, и невысказанные мысли текут, текут...

ГАЛИНА БЕЛЯКОВА

Вечером

В сказочном детстве

В сказочном сне все уснули деревья,
В дымке заснеженной свет фонарей.
Город чуть виден, за светом чуть рдея,
Манит Рублёвка лесных егерей.

Мне бы в лесные, где дали и детство
Брежут потоками мыслей моих.
Знаю, я рядом, но некуда деться
Грёзам волшебным, порой озорным.

Лес околдован так первым снежочком,
Лёгким, весёлым, и всё наяву.
Сказка и детство, и снег на окошке –
Всё как в далёком в старинном году.

Белякова Галина Александровна – писатель, поэт. Член Союза писателей России, Союза писателей Крыма, Российского союза писателей и Интернационального союза писателей.

Что означает всё ж милое детство?
 Детство знаменье несёт человеку –
 Таинства жизни и детства в быту
 Добрым, и не было будто вовеки,
 Где обходила б беда за версту.
 Дети и детство, ребячьи утехи –
 Их заменить не под силу ни в чём.
 Вот оттого-то большие успехи
 Делает память, лишь помня одно –
 Душу добрейшую, душу ребёнка –
 Так не похожую НИ НА ЧЬЮ!

У каждого человека своя судьба, какой бы она ни была – удачной или неудачной.

Взрослый человек с большим удовольствием вспоминает своё детство, при случае рассказывает какие-нибудь забавные истории. К примеру:

Как-то поздно под вечер бабушка предложила внучке сходить вместе в сарай, надо подоить корову, и бабушке тогда не будет скучно.

С дойкой немножко задержал сенокос и уборка сена. Внучка согласилась, потому что очень любила пить парное молоко из кружки (так называется из-под коровки, с пеночкой). По дороге бабушка рассказывала про сенокос, про гнездо жаворонка, который оказался в траве под ногами, когда ворошили сено. Птиц не было, они улетели после покоса травы. Потом рассказала про быструю Москву-реку, где мальчишки ухитрялись ловить из-под камней сомов прямо майкой – столько было рыбы.

Внучка шла следом за бабушкой. Сначала слушала с охотой, потом сама стала вспоминать свой прошедший день: как купались на реке в лягушатнике (заливчик так назывался, где течение было слабым), как играли в кустах с девочками, делали домики и играли в дочки-матери. Это была любимая игра девочек, да и мальчишки принимали в ней участие с удовольствием. Когда всё это надоедало, играли в чижика или в двенадцать палочек. Игр было множество, а то просто сидели на крыльчке, и мальчишки учили девочек свистеть в «два

пальца». Веселью не было конца, пока кто-нибудь из взрослых не разгонит свистунов. Было что вспомнить.

Вспоминая, так бы и шла за бабушкой, да только она замедлила шаг, рассказывать перестала, пошла быстрее, поглядывая на леваду. Шептала молитву и крестилась: «Свят, свят, свят» – в момент, когда что-то белое мелькало за оградой, почти около них. Внучка испугалась и быстрее пошла, даже на пятки бабушке стала наступать. Сарай, к счастью, оказался рядом, быстро вошли в дверь. Она была закрыта на защёлку. В сарае зажгли свечку. Корова Бурёнка поджидала хозяйку. От коровы шло тепло, пахло молоком, спокойствием.

Бабушка беспокойно посмотрела на дверь, перекрестилась и стала разговаривать с Бурёнкой, извиняться, что так долго не приходила. Корова была спокойная и мирно стояла, когда бабушка её доила. Молоко из вымечка струилось в подойник со звоном об дно. Внучка подставляла алюминиевую кружку, которая мигом наполнялась парным белоснежным молочком. Воздушная пена поднималась над кружкой, и девочка вбирала в себя эту живительную силу. Подоили. На обратном пути молча и быстро дошли до дома. Как только вошли в дом, бабушка стала рассказывать деду, что слышали таинственное фырканье, но никого не видели и очень испугались. Дедушка спокойно ответил то ли ей, то ли себе: «Вот ведь какой пацан, сказал я ему: “Поставь в дельник коня, и не забудь”. – “Нет, не забуду, дедушка”. Вот те на, забыл!» Подошёл к внучке, погладил ласково по голове и сказал: «А ты-то что, испугалась? Знаешь, что в леваде выгуливают коней. Забыл пацан, спешил на свидание со своей кралей. Сейчас пойду отведу Резвого в конюшню». Ушёл. Бабушка продолжила: «Вот окаянный, народ пугает. Мы, внучка, завтра и посмотрим на белого коня, который меня так напугал. Конь – красавец, стройный, очень резвый. Подрастёт – будет на бегах первые места брать. Он – гордость для конного завода».

Когда я обратилась к летописи жизни и творчества Ф.И. Тютчева, то обнаружила для себя серьёзную тему «Детское восприятие жизни, будучи взрослым». Я обращала внимание на душевное состояние Фёдора Ивановича, на его страдания, когда он возвратился на родину, в сельцо Овстуг, где он родился, и то он долго не мог привыкнуть, принять сельскую жизнь.

У В.В. Набокова сложилась жизнь иначе. Он уже взрослым покинул Родину. Всё время Набоков считал себя изгнанником, куда бы судьба ни направляла по жизни, но всё равно с любовью относился к России, ко всему прекрасному, что осталось в его неизгладимой памяти. Все романы, стихи пронизаны воспоминаниями с тоской, с любовью детства, юности в Санкт-Петербурге. Тоска – она везде тоска, тоска душевная, и побороть её не всякому удаётся. О детстве память остаётся на всю жизнь:

*...Кость в груди нащупываю я:
родина, вот эта кость – твоя.
Воздух твой, вошедший в грудь мою,
Я тебе стихами отдаю...*

(«К Родине»)

* * *

*...Не предаюсь пустому гневу,
не проклинаю, не молю;
как изменившую мне деву,
отчизну прежнюю люблю...*

(«России»)

Открыв для себя тему детства, вмиг представила наших современных детей. И сразу задалась вопросом: как у них проходит детство? И очень огорчилась, что детства с большой буквы у них нет, если они целый день могут сидеть за компьютером, играми, не выходя из сети Интернета.

Может быть, это и есть это детство? И потом, цивилизация, современная жизнь привели нас к тому, что живём, отдыхаем с малых лет где угодно, лишь бы деньги были. Да, деньги решают всё. Да и очень модно стало отдыхать за границей с маленькими (даже годовалыми) детьми, с детками, которые ещё не познали хорошо свой язык, свой родной край, свою Родину. Слово «Родина» для таких деток будет незнакомо. Что они могут вспомнить потом? Только по картинкам, фото со словами «Ты здесь родился!». В данный момент я говорю о

Родине, о патриотизме. Но кто-то найдёт оправдание: «Условия жизни теперь такие!» Так скажут только те, у которых доходы позволяют уезжать за границу, не думая о родных детях, как они будут любить и воспринимать свою Родину.

Да, жизнь противоречивая: дети учатся за границей. Общение с бабушкой, дедушкой ограничено. Молодёжь старается жить самостоятельно, без родителей, бывает, что выросшие дети и забывают о них. Жизнь пошла на западный манер, где ни о какой нравственности речи нет. Цель одна – как заработать деньги.

Но меня волнует всё же любовь к краю, где родился, жил в коллективе, учился, общался с друзьями. Советский народ жил вместе со своей страной. Все перемены страны ощущал каждый на себе, потому родина была, естественно, Родиной, её забыть, изменить ей невозможно.

Сейчас же – можно. Когда молодые мамы рассуждают о том, что их дети несчастные, потому что они росли с бабушкой, дедушкой и многого не видели. Но они не понимают, сколько любви передают бабушки своим внукам, сколько мудрости... Никакая няня, никакая заграница (где свои законы, порядки) не смогут дать чужим детям столько любви, как бабушка и дедушка, и тот край, где они жили, и те друзья, с которыми они провели своё детство, юность.

Мечта

Гелевый шар взметнулся в небо,
Радостно взмыл с небесной порошей.
Не разгадать небесный ребус,
Сколько же лет? Оказалось, просто.
Перевернулись цифры с ветром,
Стало мне мигом лет восемнадцать.
Так захотелось тотчас поверить
И полететь на шаре гимнасткой.
Но не случилось, тут сильный ветер
Шар без меня унёс в моё детство.
Я же осталась, и в дивный вечер
Встретила энный, без кокетства,
День рождения свой!

Подборка 09.09.2020

ИННА ДЁМИНА

Жить в своей стране

Многое смешала пандемия в нашем «доме»! Из-за неё, в частности, празднование 75-летия Победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне было отсрочено на неопределённое время. 9 мая вся Москва сидела в коронавирусной изоляции. И вдруг неожиданно для меня (в том числе, уверена, и для многих) в 10 часов утра, как обычно в другие годы, по Красной площади промаршировал один парадный расчёт Президентской гвардии, и приветствовал его лишь один президент России. Без маски, в костюме, хотя на улице было только +13 градусов. А в голубом небе развернул крылья самолётно-вертолётный парад! Это был символический знак: «Дорогие мои! Мы вместе – и мы выстоим!»

Полномасштабный парад Победы состоялся 24 июня 2020 года. На главный праздник России прибыли президенты большинства бывших республик СССР, кроме Украины, Грузии, прибалтийских стран, с парадными расчётами своих вооружённых сил. Приятно мне было увидеть парадные расчёты Индии, особенно Китая. Тут же вспомнился концерт ансамбля песни и танца Китайской народной армии в Консерватории Чайковского. Когда зрители долго и темпераментно аплодировали хору, одетому в белую военную парадную форму, после

Дёмина Инна — член Союза писателей России, кандидат педагогических наук.

исполнения им песни В. Лебедева-Кумача на музыку А. Александрова «Вставай, страна огромная» на русском языке! Не отвести было глаз от женской части хора с их шапочками, ничем не уступавшими изысканной и утончённой французской шляпной моде. На Красной площади часть парадного расчёта китайской армии блеснула своей белой парадной формой. Хотела написать «и выправкой». Только выправкой блистали все парадные расчёты! Масок в парадных расчётах не имелось. Да и среди присутствующего на площади гражданского контингента только два-три раза блеснула защитная повязка.

Мне, сидевшей у телевизора в отличном расположении духа и настроения, пришла мысль что-либо заснять. Особенно когда на площадь начала выходить ракетная техника стратегического назначения, созерцать которую на TV уже не только не страшно, наоборот, радостно! И вспомнила, как я впервые в жизни в 1993 году, когда зачиналась перестроечная катастрофа, увидела в двух шагах от себя настоящий БТР. Этот зверь ввергал в страх, стоял такой ощеренный, как будто изрыгал из каждого сантиметра своего тела искры, огонь, яд! Источал смерть! Было по-настоящему страшно.

Блеснул в московском небе и воздушный парад. 80 самолётов и вертолётов, «ведомые» военными лётчиками-асами, прорезали небесную синь. Вспомнилось былое.

12 раз мой муж был участником парада Победы на Красной площади. Муж сестры Таисии, военный лётчик Михаил Быков, в 1967 году участвовал в военно-воздушном параде в Кубинке Московской области, пролетел на сверхзвуковом самолёте ТУ-22 в фигурной связке с восьмью подобными самолётами. За что был награждён боевым орденом Красной Звезды.

9 мая 2020 года в течение 1 часа 45 минут смотрящие парад получали благодатный заряд любви к Москве, к своей стране, заряд мужества и радости жизни. Солнца на улице было в неограниченном количестве, +25 градусов. Природа и душевный настрой – в полном единении и гармонии! Я тут же позвонила моей хорошей знакомой, с которой у нас много общего. Радость только тогда полноценная, когда её есть с кем разделить! Какое счастье, когда минутами душевного подъёма есть с кем поделиться! Интересно, бывает ли иногда по-настоящему рад человек, если у него нет единомышленников?

Е. Евтушенко пошёл дальше, сумел глубже выразить проблему:
Свобода смертельна тогда, когда разделить её не с кем.

Да будет и впредь так! А когда плохо тебе, твоим близким людям, стране? И снова память возвращает меня к П.И. Чайковскому, который, находясь в Неаполе во время убийства Александра Второго, писал Надежде фон Мекк: «Известие это так поразило меня, что я едва не заболел. В такие ужасные минуты всенародного бедствия тяжело находиться на чужбине. Хотелось перелететь в Россию». Потому именно в ЕГО душу вложил Всевышний желание и способность написать Первый концерт для фортепиано с оркестром, Симфонию № 6, прославившие мою страну! Мало этого. В начале 90-х годов XIX века Чайковский, будучи в Нью-Йорке, записал: «Моё нахождение здесь подобно человеку в роскошном ресторане, у которого отсутствует аппетит. Так хотелось домой». Служил П.И. Чайковский своим творчеством России!

Впервые за всю мою долгую жизнь, а потому с большим интересом, смотрела я с начала и до конца морской парад в честь Дня Военно-морского флота России, состоявшийся в Санкт-Петербурге 26 июля 2020 года. Балтийский флот развернул на Неве и в Финском заливе военно-морскую мощь России. Зрелище поразило мощью и величием. Красочное, торжественное, патриотическое! Для меня оно оказалось ещё и высокоинформационным. Парад состоял из трех отделений. Сначала показали себя малые лёгкие и манёвренные корабли-катера, развернувшие свои возможности на большой, с крутым нравом Неве. Второе отделение парада проходило в Кронштадте с огромными кораблями и подводными лодками-субмаринами в водах Финского залива. Кронштадт – это город-порт, расположенный на самом большом острове Котлин и прилегающих к нему островках поменьше в Финском заливе. Это город-крепость с богатейшей военной историей, город воинской славы! Он внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Здесь, на большой воде залива, показали себя дивизия надводных кораблей, бригада подводных лодок, поисково-спасательные суда. Морская мощь России впечатляет! Спокойная и уверенная мысль поселилась в голове: «Всё наладится у нас после пандемии. Преодолеем санкции. Вернётся и международное уважение к моей стране». Всей душой захотелось побывать в Кронштадте! О, если бы юность уже знала, а старость ещё могла! Это я о себе.

Третье отделение – военно-воздушный парад, который продемонстрировал ракетную, противолодочную, истребительную авиацию Военно-морских сил России.

Внимательно рассматривая фотографии Московского и Санкт-Петербургского парадов, даже не будучи специалистом в этом вопросе, я обнаружила большое разнообразие марок боевых самолётов. Вдруг эта сфера стала мне интересной, чего раньше я в себе не замечала. От этих знаний становилось приятно и радостно. Узнала, что Военно-морской флот России базируется в пяти точках страны. Северный флот – в Северодвинске, там, где моя двоюродная сестра Савельева Лариса Лавровна в течение всего своего трудового стажа проектировала и спускала на воду новые субмарины, разбивая о них бутылки шампанского с пожеланием долгого, безупречного и победного служения Отечеству! Во время парада я снимала подлодки со всех ракурсов, теперь знаю их анфас и в профиль.

Балтийский флот базируется в Балтийске Калининградской и в Кронштадте Ленинградской областей. Черноморский флот – в Севастополе, Тихоокеанский – во Владивостоке. И на Каспийском море в Астрахани «живёт» Каспийская флотилия. Известная мудрость Екклесиаста гласит: «Знания умножают скорбь». В данном случае моё знание из области Вооружённых сил России даёт ощущение и уверенность прочного и гарантированного фундамента для тела и духа всем нам на нашей, родной нам земле. А мне конкретно – радости, что я живу в Москве.

*Моя Москва! Ты стала ещё краше,
Моя Москва, ты сердце моё, наше!
Песни мои и оды, все тебе!
Какое счастье, я живу в Москве!*

15 сентября, 20 часов, за окном +14

Дёмина Инна Владимировна, член Союза писателей России, кандидат педагогических наук, автор восьми литературно-художественных книг. Печатается в альманахах «Сияние лиры», «Золотое руно», в журналах «Свет столицы», «Александръ».

ТАТЬЯНА ЛЕТНЕВА

~~~~~

Татьяна Летнева (Абрамова Татьяна Александровна) – поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, Московского Литературного фонда, члена Клуба писателей ЦДЛ, действительный член Академии российской литературы, член Союза писателей Северной Америки, постоянный автор сетевой литературы, участник литобъединений и проектов, литературных студий.

Татьяна Летнева – автор книг «Прикосновение к сказке», «Такое трудное понятие Любовь...», «Я птица, песня, звезда и вечность...», «Куликовы были», «Многообразие любви...», «Метаморфозы нежности», «Перекрёсток душ и тел», «Неиспитое вино», «Ночью все кошки черны». Продолжает работать в жанре переплетений рифмованной и нерифмованной поэзии, стихотворений в прозе.

За книгу «Многообразие любви» (М., «Академия», 2012) получила звание лауреата конкурса «Лучшая книга 2011–2013» с вручением медали им. А.П. Чехова.

За книгу «Метаморфозы нежности» (М., «Академия», 2014) автор награждён нагрудным знаком «Серебряный крест».

За книгу «Прикосновение к сказке» (М., МГО СП России, НП «Литературная республика», 2016) Татьяна Летнева получила отличительный знак «Заслуженный писатель».

На её стихи написано 25 песен композитором Александром Севериловым, которые исполняются солисткой Natali Queen (Наташей Королевой).

Издан аудиодиск «Избранная лирика» к книге «Перекрёсток душ и тел». Это литературно-музыкальная композиция чередующегося мужского и женского чтения любовной лирики в исполнении самого автора, поэта Татьяны Летневой, и барда, актёра Владимира Мирзы.

Кругом шиповник алый цвет, стояли тёмных лип аллеи...

Посвящается Ивану Бунину

Любовь, страна, душами и телами познаваемая и никогда до конца не познанная...

В ней неумирающе живут не только «Солнечный удар», но и «Тёмные аллеи» Ивана Бунина.

Во веки веков, всегда такие разные, но всегда – одинаково безмолвно начертанными словами, чёрным по белому, говорящие об одном и том же... о чувствах, именуемых любовью, переходящих от намёка, от луча света, от нюанса, от мгновения к солнечному потоку, объёмному понятию и пониманию неумирающей, вечной любви...

Если в душе ориентир, т.е. неожиданный подарок судьбы, направленный в сторону подобных состояний, это самое, «беспричинное, на всё согласное счастье»^с, значит, магия света, тепла и потрясения придёт непременно, нет, ПРИШЛА мгновенно...

Так же как и тени в аллеях жизни от ночных деревьев или как шуршащая текучесть, зыблемая сыпучесть, тайная неуловимая перетекаемость мельчайшего африканского песка.

«Я шёл – большой месяц тоже шёл, катясь и сквозя в черноте ветвей зеркальным кругом; широкие улицы лежали в тени – только в домах направо, до которых тень не достигала, освещены были белые стены и траурным гляncем переливались чёрные стекла; а я шёл в тени, ступал по пятнистому тротуару – он сквозисто устлан был чёрными шёлковыми кружевами»^с.

Потому что страсть, напоминающая солнечный удар, – ещё не Любовь.

«Как дико, страшно всё будничное, обычное, когда сердце поражено, – да, поражено, он теперь понимал это, – этим страшным “солнечным ударом”, слишком большой любовью, слишком большим счастьем!»^с

И Бунин смеётся, нет, улыбается слегка и незаметно пытается смахнуть потаённую, скупую мужскую слезу...

«Молодость у всякого проходит, а любовь – другое дело»^с.

«Как о воде протекшей будешь вспоминать...»^с

«Всё проходит, да не всё забывается...»^с

Сколько страниц и рассказов написано им о неизбежности проявлений, сколько выстрадано точным, как выстрел, словом... Любовь и Смерть так рядом, только одним шагом, одним движением, одним мигом делимы...

«Он был очень влюблён, а когда очень влюблён, всегда стреляют себя...»

«...надел чистое бельё, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского,пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару.

Возвратясь в свой номер, он лёг на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов»^с.

Тридцать восемь рассказов в изысканном сборнике «Тёмные аллеи», незабываемые памятью истории о проявлениях самого необъяснимого, потрясшего состояния.

«Тёмные аллеи» – это грустное повествование, желанием в долгожданное, но реальностью помеченное невосполнимой жаждой ожидания или искрой воспламенения. Всегда неуловимое, слетевшее непонятно откуда и непонятно почему улетевшее, оставив боль воспоминаний.

«Из году в год, изо дня в день, втайне ждёшь только одного – счастливой любовной встречи, живёшь, в сущности, только надеждой на эту встречу...»^с

Одной фразой, намёком, словом, острым, передаваемым междустроичием, молчаливой глубиной бесконечно дорогого, незабываемого мгновения, которое прожжёт или уже прожгло навсегда и память, и сердце.

И как изысканно он об этом говорит... И каждая из страниц историй есть та самая «тёмная аллея» в перекрёстке – лабиринте жизни, в извечном переплетении мыслей и чувств, в беспредельной Любви-Войне, где не бывает выигравших...

«...А под стеной леса стоят, багрово серея, три больших волка, и в глазах у них мелькает то сквозной зелёный блеск, то красный – прозрачный и яркий, как горячий сироп варенья из красной смородины»^с.

Авторский посыл в любом проявлении, как дикое природное, влетающее вдруг в реальное, земное в нашей, во всегдашней непредсказуемой жизни, даже просто в зимнем солнечном луче... или направленно жарком, обжигающем солнечном потоке... как неожиданный солнечный удар, что сбивает с ног, лишая разума, или

как блуждающие в тёмных аллеях чувства и поступки, оставляющие после себя сожаление, боль и нестирающееся страдание, желание всё вернуть, хоть на мгновение.

«Я посмотрел на её валенки, на колени под серой юбкой, – всё хорошо было видно в золотистом свете, падавшем из окна, – хотел крикнуть: “Я не могу жить без тебя, за одни эти колени, за юбку, за валенки готов отдать жизнь!”»^с

Посыл этот так невообразимо необходим человеческой душе и телу, так глубоко проникаем и также невероятно непостигаем, что невозможно разделить эту необъяснимую необходимость полётов наяву или во сне или наоборот, во сне или наяву...

Как непостигаемы эти и Солнце, Небо или Звёзды, и Луна... и человеческие видения, и необъяснимые соединения душ и тел...

«...Ночная синяя чернота неба в тихо плывущих облаках, везде белых, а возле высокой луны – голубых. Приглядишься – не облака плывут – луна плывёт, и близ неё, вместе с ней, льётся золотая слеза звезды: луна плавно уходит в высоту, которой нет дна, и уносит с собой всё выше и выше звезду»^с.

«Тёмные аллеи» – истинная кладовая любви. Отношения между мужчиной и женщиной окрашены изысканным, но немногословным эротизмом и глубокой психологичностью.

Такие разные, с таким неугасаемым светом чувств, штрихами, набросками, пазлами из общей картины земной жизни или даже Небесной Вселенской, перетекаемые с виду незначительным в глобальное, объёмное, неумирающее понятие – Любовь.

Эти потрясающие движения человеческой души необъяснимой жажды к жизни или в жизни познания себя и другого... и в сближении, и в антагонизме... Всепоглощающая Любовь и Безмерное Одиночество...

«...и всё нежнее и поэтичнее становилась моя тоска. Мне казалось, что я ещё никогда не был таким молодым и прекрасным и вместе с тем таким одиноким и печальным»^с.

«Он пошёл по двору, опять остановился, поднял голову: уходящая всё глубже и глубже ввысь звёздность и там какая-то страшная чёрно-синяя темнота, провалы куда-то... и спокойствие, молчание, непонятная, великая пустыня, безжизненная и бесцельная красота мира... безмолвная, вечная религиозность ночи... и он один, лицом к лицу со всем этим, в бездне между небом и землёй...»^с

Всё, что болью и надеждой, воспоминанием и тоской блуждает в нашем сердце и будоражит чувства, но не находит ответа и успокоения. Всё, что не умирает в нас желанием повторить или повториться, неожиданно или жданно обретаемым.

Всё это вдруг встречаем невзначай, вернее, находим точным ненавязчивым словом или сюжетом в необыкновенных, особенных бунинских рассказах.

Да, находим, обычным узнаванием, повторением, напоминанием, созвучием, оставленной занозой, нерассказанным в самом сердце и в глубине памяти или подсознания через года, через века.

«Вероятно, у каждого из нас найдётся какое-нибудь особенно дорогое любовное воспоминание или какой-нибудь особенно тяжкий любовный грех»^с.

И в этом он весь, наш, нами любимый, повторимо-неповторимый Иван Бунин. Он со своей непростой личной историей поиска истинного длиною в жизнь и высотой в незабываемость, и в вечность, наш вечно живой Бунин, втекающий каждым неслучайным словом в нашу жизнь, в наши такие простые-непростые личные истории. Именно поэтому он так нами забываем, осознанно и неосознанно.

«Всё было хорошо, во всём было безмерное счастье, великая радость; даже в этом зное и во всех базарных запахах, во всём этом незнакомом городишке и в этой старой уездной гостинице была она, эта радость, а вместе с тем сердце просто разрывалось на части»^с.

То, что всё-таки невозможно выразить словами, то, что живёт необъяснимым, потаённым чувством в нашем сердце, в наших чаяниях, желаниях и вечной надежде, в печали и необъяснимом, восторженном отношении к женщине, к самому себе, к жизни и смерти. Всё это – Иван Бунин.

*...Зачем и о чём говорить?
Всю душу, с любовью, с мечтами,
Всё сердце стараться раскрыть –
И чем же? – одними словами!*

*И хоть бы в словах-то людских
Не так уж всё было избито!
Значенья не сыщете в них,
Значение их позабыто!*

*Да и кому рассказать?
При искреннем даже желанье
Никто не сумеет понять
Всю силу чужого страданья!*

1889

и

2020

P.S. В тексте миниатюры Татьяны Летневой использованы фрагменты, цитаты из рассказов сборника «Тёмные аллеи» Ивана Бунина с обозначением с. Отсыл к конкретным названиям рассказов специально отсутствует, чтобы сильнее разжечь интерес к исконно бунинскому, прочитанному ранее или совсем ещё неизвестному.

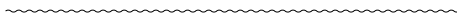

ВЛАДИМИР МАЙОРОВ

Покупка

Мощный мотор увлекал лодку вверх по реке, наперекор быстрому течению. Да и лодками здешние ладьи называть, наверное, легкомысленно. Узкие, длинные, способные принять до десяти человек с рюкзаками, похожие на гигантских серых щук, а может, крокодилов, поскольку щуки поверху не плавают.

Нас было шестеро, с одного курса Энергетического, и мы хотели как можно быстрее добраться до диких горных хребтов Приполярного Урала. Олег мечтал поохотиться, Димка с Катей только и ждали вечера, чтобы забросить удочки. Там в горах, на перекатах, хариус как бешеный, голый крючок хватает. Сам я не рыбак, но вкуснее только что пойманного хариуса рыбы не пробовал. Вот ведь как получается, рыбу Димка с Катей ловит, а роман с Ольенькой крутит... Ну ладно, проехали. В общем, хотели мы погулять по Приполярному Уралу, забраться на горки, что повыше: Манарагу, Народную, Колокольню, потом построить плот и выплыть к железке. Потому и хотелось как можно скорее миновать скучное комариное предгорье. Путь по болотам занял бы дня три-четыре. Когда хозяин лодки обещал, что доставит за час, не верилось, что так быстро одолеет сорок кило-

Майоров Владимир Дмитриевич, 1947 года рождения, член Союза писателей, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, преподаватель физики.

метров против течения. Конечно, абориген слегка приврал, но часа через полтора мы снова ступили на сушу. Дальше начинались пороги и шиверы – на лодке не пройти. Оплата, как всегда в этих местах, включала этиловый компонент. Дима, наш завхоз, достал фляжку:

– Куда налить? Бутылка есть?

Никодим – так звали аборигена – прыгнул в лодку и выудил откуда-то помятую алюминиевую кружку.

– Давай сюда.

Думалось, что содержимое, обещанные полбутылки спирта, Никодим перельёт в надёжную тару. Так и вышло. Хозяин лодки зашёл в реку по колено, даже чуть глубже, насколько позволяли болотные сапоги. Неторопливо, будто выполняя ритуал, выглотал спирт, зачерпнул воду, мелкими глотками запил, довольно молвил: «У-ф-ф-ф!» – и метнул кружку в лодку.

– И куда вы теперь?..

Из прибрежных зарослей вывалилась Оля.

– Там такие странные ямы. Продолговатые, будто могилы.

Димка раздавил комара, присосавшегося к её щеке.

– Спасибо. Что это за ямы?

Оля у нас самая любопытная. Я тоже эти ямы заметил, но и мысли не промелькнуло про них у хозяина лодки спрашивать.

– Ямы... – нехотя ответил Никодим и, помолчав, добавил: – Там, дальше, хорошее место есть, километра два. Отворотка будет, в гору. Не пропустите.

Пропустить отворотку, то есть уходящую вбок тропу, было сложно, поскольку это сейчас была тропа, а когда-то – тракторная дорога. Метров через пятьдесят она выводила к большой ровной поляне.

Вначале на рекомендации Никодима особого внимания не обратили. Неужели на берегу не найдётся места для двух палаток?

Сперва лес был кочковатый, болотистый, потом берег поднялся, но камни под тонким покровом почвы обещали мучительную ночёвку.

А тут такая удача.

Палатки свободно разбросались по поляне, костёр небрежно облизывал наполненные речной водой котлы. Олег побрёл в поисках сушины и на краю поляны, заросшей стрелами иван-чая, наткнулся на развалины, вернее, остов избы. Сохранился сгнивший пол, на который боязно было ступать, и нижние венцы стен. По этим останкам можно было легко представить, что здесь было когда-то. Коридор

делил избу на две неравные части: большое помещение справа и маленькая комнатка слева. Печь, что топилась из коридора, тыльной стороной обогревала маленькую комнату.

– Это место на карте обозначено, – заявил Командир. – Вот.

В двух километрах выше большого притока, где они покинули лодку, – квадратик и косая подпись от руки – «Подкомандировка».

– Подкомандировка? Это что, деревня такая? – поинтересовалась Оля.

– Откуда деревня? Кто здесь жить будет? Зачем? Геологическая партия, наверно. Их сюда в командировку присылали...

Пожали плечами и предались вечерним заботам.

Донёсся отдалённый гул, который сначала приняли за томление ветра, но потом поняли, что ошиблись, потому что гул приближался.

– Вертолёт?

– Какой вертолёт. По реке на моторе кто-то поднимается, – возразила рациональная Катя. И хотя она никогда не ошибалась, все безмерно удивились:

– Какое, по реке! Там же шивера! Камни.

Высыпали на берег и увидели лодку, пробирающуюся через лабиринт камней. Спустя короткое время убедились, что к нам плывёт наш давешний знакомый.

– Там в лодке рыба. Возьмите, – небрежно бросил Никодим, вскарабкавшись на прибрежный откос.

На дощатом дне лениво трепыхались пара тайменей и с десяток хариусов.

* * *

Под горячую уху выпили.

Ели молча, поскольку о своём при чужих беседовать неудобно, а все попытки разговорить гостя оказались безуспешными.

И зачем он добирался к нам по этой мощёной камнями реке?

– Там не могилы, – произнёс вдруг Никодим, – там торф копали. Ну и могилы, конечно, в каком-то смысле. Тут подкомандировка была.

– Деревня?

– Подкомандировка... Есть лагерь. Но часто заключённые жили на лесозаготовках. Много заключённых – называлось командировка. А если заключённых совсем мало, человек десять, – получалась подкомандировка.

- Так это заключённые копали? – удивилась Оля. – Летом?
- А когда же ещё? Зимой сплошной лёд.
- Как же? А комары, мошка? Я только в лес зашла – туча гнуси набросилась. Это же вытерпеть невозможно.
- Привыкали, – как-то неопределённо молвил гость. Все замолчали.
- Я бы не смогла, – прошептала Оля.
- Никодим только пожал плечами. Поворошил прутиком угли и вдруг произнёс.
- Здесь отец был. Ещё до моего рождения. Много лет.
- Так он... Его выпустили?
- Его расстреляли.
- А Вы?.. Как же Вы?..

* * *

- Три раза в неделю Мира привозила молоко и сметану.
- Имя у тебя странное, – заметил капитан. – Еврейское, что ли?
  - Советское. «Революция Мира», только сокращённо.
  - Надо же, подсуропили родители. Катькой бы назвали – может, не такая гордая была бы? А? Катерина?
  - По мне – и так неплохо, – отрезала женщина.
  - К лодке вышел проводить сержант.
  - Ты руки-то отыми, – спокойно посоветовала Мира, – я женщина мужняя.
  - Так муж-то и не мужик сейчас. Не ровён час – помрёт. А ты бабёнка – в соку. Неужто мужика не хочется?
  - Мой мужик дома. А ты лапищи-то не распускай. Братья у меня лихие. Случись что... У тайги не спросишь.
  - А нас кто поймёт? Пошто мы здесь без баб гниём?
  - Ну гниёте не вы, положим. И тоже без баб. А этот чего здесь сидит? Сержант обернулся на зэка, устроившегося на камне.
  - Доходяга. Давно в расход пора, да капитан у нас жалостливый. Потом, мужик мастеровитый. Буржуйку соорудил, крышу залатал... Выйдет капитану жалостливость боком, как прознает начальство, что зэка кормит, а тот норму не даёт. На неделе спишем, так что пусть напоследок покемарит.
  - Слышь ты. Попридержите его пока, не хороните.
  - На кой он тебе?

– А то не твоего ума дело. Чтоб интерес был... – и сунула сержанту вырученные за молоко деньги.

– Того... – сержант явно раскидывал мозгами, дабы не прогадать. – Я-то что. Я завсегда. Только вот капитан-то старший.

– Да брось ты. Ты – мужик, а он – белая или какая там, болотная кость. Как скажешь, так и будет.

Грубая лесть привела Сержанта в хорошее расположение. Он с сомнением посмотрел на зажатые в кулаке бумажки.

– Слушай, эта, давай натурой. А деньги тебе отдам.

– Опять, кобель, за своё. Я тебе ещё столько же привезу. Или пойду к капитану и с ним сладим. Ни с чем останешься.

Сержант посмотрел на дремлющего доходягу, вздохнул и в знак согласия помог женщине спихнуть лодку.

* * *

Муж Миры работал машинистом на железной дороге, потому имел бронь от армии. Деньги водились, да и хозяйство было крепкое: дом, скотина, лодка с добрым мотором. Только дети почему-то не получались.

Беда подоспела вдруг, как ей и положено. Видать, продуло машиниста в кабине или микроб какой виноват, только захворал муж, и становилось ему всё хуже и хуже. Ни парная, ни настои, ни лекарства не помогали. А прошлой неделей начал харкать кровью. Мира и в Печору к врачам возила, и знахарку приводила, и плакала, и молилась – всё без проку. Не то что встать – руку поднять ему уж сил не хватало. Знахарка сказала: пять дней – так и вышло. Под утро в среду скончался.

Мира не плакала – всё уж выплакано было, да и не человек был последнюю неделю – так, одна дырявая оболочка. Сволокла мужа на лёдник и сверху мхом да льдом прикрыла. Наутро отвела корову к лодке, пошептала на ухо что-то хорошее, та в лодке послушно улеглась, Мира её для верности верёвкой привязала, чтобы случайно посудину не опрокинула. Мотор взревел и понёс ковчег в Подкомандировку.

Однажды, только начала молоко туда возить, поинтересовалась у сержанта:

– Как один управляешься? Когда спишь, кто зэков караулит?

– А чего их караулить? Куда они денутся? Через приток не перебраться, и дальше сорок километров болот. Да и чего им бежать? Куда? В лагере жизнь ещё горше. А тут – вроде курорта, – и криво усмехнулся.

Капитан сидел спиной к печке, курил и цедил чаёк. А что ему ещё делать, капитану-то?

К вечеру пойдёт проверит, сколько сделано, посчитает. Но это для проформы. Зэки сами следили, чтобы норма была – и ни копейки больше.

Мира зашла в комнату, сняла платок и села напротив, чтобы разговор как бы наравне был.

– Хочу купить вашего доходягу, – сразу быка за рога.

– Чего? – обалдел капитан, разинул рот, так что чинарик плюхнулся в кружку.

– Продаю вам корову, здесь уж она, в лодке, а у вас доходягу покупаю.

– Куда ж мы корову денем? – брякнул капитан.

– В закуток, к заключённым. Нары разберёте и загородочку сделаете. А мне мужика – вам-то он не нужен.

– То есть как это, не нужен? Приедет комиссия, могилу вскроет, а там – ни хрена? Да за это меня самого туда закопают!

– Почему ни хрена? Я тебе мужа завтра привезу. Муж на лёднике лежит. Помер. Завтра утром привезу.

– Ты, баба, рехнулась.

– Так сговорились?

Капитан внимательно посмотрел на Миру, будто хотел сказать что-то, да запнулся. Отвернулся, уставился в кружку.

– На хрена тебе этот? Всё одно не жилец. Если споем – ему же лучше.

– Это моя забота. Помрёт так помрёт... Так я за коровой?..

– Пошли, помогу.

Капитан поднялся и снял с гвоздя бушлат.

* * *

Корову пока устроили под навесом, где хранились дрова.

– Чаю попьёшь перед дорогой?..

Капитан поглядывал на женщину, словно собирался что-то сказать, да в последний момент слова, что дурная рыба, срывались с крючка.

– Сколько тебе лет-то? – спросила вдруг Мира.

– Двадцать четыре...

– После училища – и сразу сюда?

Капитан промолчал.

– Угораздило тебя.

Женщина подошла очень близко, дотронулась до щетины.

– Все вы здесь жизнь калечите. Заключённые... Ну что с тобой таким делать, – и поцеловала в небритую щёку.

* * *

Когда одевалась, сказала:

– Повезло тебе, что не приставал. Сам бы напрашивался – ни за что не согласилась.

* * *

Следующим утром привезла груз, увязанный в мешковину. Капитан спустился помочь отволочить покойника в лес.

– Сама. Уж наловчилась. Котомку возьми да лямки помощи накинуть.

Взвалила мужа на спину и пошла за капитаном по узкой тропке.

– Нечасто сюда ходите, – заметила, продираясь с ношей через кусты.

Доходяга стоял в чуть заделанной яме, опершись на заступ, и покачивался. Без опоры точно упал бы.

– Что человека мучишь? – возмутилась Мира. – Помог бы, он же до завтра не справится.

– Копать чужую могилу – дурная примета, – ответил, не подымаясь, сержант.

– Мужики... – вздохнула женщина и отобрала у доходяги лопату. – А ты отойди, – осадила приблизившегося было капитана, – молод ещё могилы копать.

Капитан отступил, постоял в нерешительности, достал папиросу и передал опустившемуся на кочку зэку. Тот взял безразлично, не удивившись.

Когда яма была готова, Мира достала из котомки рубаху, брюки, подошла к доходяге:

– Переодевайся. Ох!.. Давай, помогу.

Мужчина послушно стянул лагерную одежду, облачился в цивильное и снова сел на кочку.

– Не довезёшь. Помрёт, – заметил сержант.

– Не каркай! Помоги покойника обрядить...

Женщина забросала землёй яму, подошла к доходяге.

– Пошли, кончился твой срок. Теперь жить будешь.

Мужчина брёл за ней и оглядывался, оглядывался на свою свежую могилу. Верно, сил у него оставалось как раз, чтобы умереть. Доковыляв до лодки, он рухнул на скользкое дно.

* * *

Две недели укрывала, обогривала, поила женщина нового человека. Думать себе не позволяла, что он может помереть. Сил не хватило бы второй раз хоронить мужа. Так и думала о нём – муж. Видать, в голове что-то щёлкнуло, и две болезни, два человека связались воедино.

Через две недели сознание проснулось в нём, через месяц впервые сам вышел на улицу, а через два Мира продала дом и уехала в Печору, где мужа её, прежнего, никто не знал.

А соседям и в депо сказала: «Иван тяжело болеет, в городе лечиться надо». Боялась неприятностей с паспортом – больно уж не похож был новый муж на прежнего, голубоглазого и круглолицего. Цвет глаз – это ладно, какой цвет глаз на чёрно-белой фотографии, а такая болезнь из кого хочешь скелет сотворит. Фотография-то в паспорте прошлого мужа и так плохонькая была, мутная, но для верности вымочила паспорт в тазу и выправила новый, с новой фотографией. Сказала – муж с лодки в речку упал, потому и заболел. Только в депо за справками пришлось съездить. А ещё через год и я появился. Назвали в честь отца...

* * *

– Ну ладно, пора и честь знать. Спасибо за угощение.

– Куда же вы ночью?

– В июле на Севере ночи не бывает, – и пошёл к реке.

Оля бросилась вдогонку:

– Подождите! Я не поняла. Вы сказали, что вас в честь отца назвали. Почему же Никодимом?

– Так это имя отца из его первой жизни.

– А как он? Давно умер?

– Да жив! В тайгу ходит, рыбу ловит. Смеётся: видать откупила твоя мать меня от смерти. Теперь сто лет проживу.

Взревел мотор, и лодка стала осторожно выискивать путь, лавируя меж пенных языков.

* * *

Утром куда-то запропастилась Катя. Рюкзак стоит к дереву при-
слонённый – она всегда первая собиралась – а хозяйки нет.

– Катя! Катя! – закричал Димка. – Ну что же это такое! Небось, опять рыбу побежала ловить. Так мы сегодня никуда не дойдём. Катя! – Дима спустился к реке.

Я не стал его останавливать, хотя заметил, что ушла Катя совсем в другую сторону...

...Катя сидела на остатках сруба большой избы, там, где заключённые жили. Она не удивилась, что нашёл её именно я.

– На карте ещё две Подкомандировки отмечены, это только на нашей речке. А на других?..

Я ничего не ответил, потому что не знал.

– Понимаешь, они ведь сидели здесь без всякой надежды. Их жрала мошка, комары, а они копали, копали... Ты бы так смог?

– Не знаю. Это давно было. Пошли, ребята ждут.

– И я не знаю, – вздохнула Катя, подымаясь. А потом вдруг добавила: – Но ведь и они не знали. Ну, до того, когда ещё на воле жили...

Я попытался додумать эту мысль, но потом бросил. Слишком уж она была сложная.

Дорохово. Октябрь 2003 г.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Сердце, подаренное детям и молодежи (народный артист России Геннадий Печников)

Одиннадцатилетним мальчишкой, в 1949 году, я впервые попал ... на спектакль Центрального детского театра (ЦДТ). Давали пьесу Вениамина Каверина «Два капитана». В спектакле были заняты замечательные актёры театра: Александр Михайлов, Иван Воронов, Маргарита Куприянова, Галина Степанова, Тарас Соловьёв, Михаил Андросов, Валерия Меньковская, Геннадий Печников...

Нам, ребятам, показали очень серьёзный и эмоциональный спектакль о долге и дружбе, о горькой правде и лицемерной подлости, о любви, верности и предательстве, благородной целеустремлённости к большой общечеловеческой научной цели, а также об изворотливости, вранье и карьеризме. Зал был наэлектризован сопереживанием.

А вдохновенный призыв «Бороться и искать, найти и не сдаваться» с того памятного дня до сих пор волнует меня и делает неравнодушным к благородному порыву, возвышающему в моих глазах любого человека.

Это был очень мощный нравственный заряд, запущенный в душу ребёнка так вовремя и точно! Помню всех актёров и все роли,

---

Поляков Василий Евгеньевич — доктор медицинских наук, профессор, член Союза писателей России.

сыгранные ими в этом спектакле. 71-й год идёт с того момента, а вот помню и весёлую, неунывающую, обаятельную Валерию Меньковскую в роли Кирен, и мягкого, интеллигентного, застенчивого и скромного Геннадия Печникова в роли Вали Жукова...

Геннадий Михайлович Печников родился в Москве, на Солянке, 8 сентября 1926 года, 94 года тому назад. Его детство окончилось после восьмого класса. Началась Великая Отечественная война со всеми страшными событиями лета и осени 1941 года. Враг приближался к Москве. Всё взрослое и трудоспособное население по мобилизации и добровольно встало на защиту Родины и её столицы. Заводы и учреждения эвакуировались. Не работали учебные заведения. Школы переоборудовали под госпитали. 15-летний подросток Гена Печников был мобилизован в команду дружинников. Ночью на крыше дома вместе со своими друзьями-сверстниками под грохот орудий и всполохи огня, под карусель прожекторов он, восхищаясь мастерством и героизмом наших лётчиков, переживал жуткую драматургию битвы в московском небе. Молодые и неопытные, Печников и его друзья не испытывали страха или хотя бы естественной защитной реакции самосохранения.

После начала контрнаступления под Москвой появилась возможность вспомнить о детях. В Большом Казённом переулке вновь заработала 330-я мужская средняя школа, где был организован экстернат для ребят старших классов. Многие предметы – русский язык, литературу, историю, физику, химию, биологию, иностранные языки – вели крупнейшие профессора университета и ведущих московских вузов. Через много лет, в 2000 году, 330-я школа отмечала свое 120-летие. Выступая на юбилейном вечере своей alma mater, Геннадий Михайлович с теплотой вспоминал своих учителей, искренне благодарил их за знания и человечность, которыми они так щедро делились с вступавшими в самостоятельную жизнь мальчишками тех роковых сороковых. (До 1954 года из-за отдельного обучения школа была мужской.)

Геннадий Печников окончил школу в 1943 году и, имея явный успех на школьной сцене, задумался о карьере артиста. На счастье, в начале того же года по инициативе Владимира Ивановича Немировича-Данченко при Московском художественном театре для подготовки молодой актёрской смены была открыта школа-

студия. Печников успешно прошёл все три тура экзамена по актёрскому мастерству, достойно сдал другие вступительные экзамены и стал студентом теперь уже легендарного первого набора Школы-студии МХАТ. В течение четырёх лет его учителями и наставниками были мастера, фамилии которых стали знаковыми в истории отечественного театра. Вот их имена: В.Г. Сахновский, И.М. Раевский, М.И. Кнебель, В.А. Орлов, А.М. Карев, Г.А. Герасимов, П.А. Марков, В.Я. Виленкин... А во время учёбы будущему актёру посчастливилось непосредственно общаться с И.М. Москвиным, М.М. Тархановым, В.И. Качаловым, М.М. Яншиным, Н.Н. Литовцевой, А.К. Тарасовой, А.О. Степановой...

Так замечательно сосуществовали прославленные мастера и юные дарования актёрского цеха, взращённые в непосредственной духовной близости к ним. Диплом об окончании школы-студии у Геннадия Печникова подписан самой Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой!

В 1947 году почти весь курс, окончивший школу-студию, был принят в труппу театра. Прошло, однако, уже четыре года со дня смерти Немировича-Данченко. Опыта работы с молодыми актёрами и чёткой перспективы их будущего новое руководство, увы, не имело. Скромные эпизоды и в лучшем случае вводы в уже обкатанные многолетием спектакли рвущуюся в творческий бой молодёжь полностью удовлетворить не могли.

И она потянулась в другие театры. Новое руководство театра не препятствовало этому... Вот и Печников проработал в труппе МХАТа лишь один сезон.

Когда директор К.Я. Шах-Азизов и режиссёр Л.А. Волков, исповедовавшие в своей работе принципы Художественного театра, пригласили в 1948 году молодого, красивого и энергичного актёра в Центральный детский театр и посулили ему перспективу занятости в текущем репертуаре и новых постановках, жаждавший ролей и самовыражения на сцене Печников ответил согласием. В 1993 году театр получил новое название: Российский академический молодёжный театр.

Мне, как и многим моим сверстникам, повезло. В 1950 году я стал активистом Центрального детского театра. Была и осталась в театре такая замечательная педагогическая и искусствоведческая

форма работы с юными зрителями. Мы дежурили на спектаклях и имели возможность просмотреть почти весь репертуар театра, участвовали в обсуждении новых пьес и порой в откровенных, иногда даже нелицеприятных беседах с авторами, режиссёрами-постановщиками, художниками, композиторами (театр имел свой оркестр!), актёрами. Нам многое рассказывали, многому учили – и очень заинтересованно учились у нас.

Помню спектакль «Дубровский». Пушкинского героя играл Геннадий Печников, Машу – Нинель Шефер, а мальчугана, передающего записочки, – Валентина Сперантова. Хорошо помню ощущение, что в программку вкралась ошибка. Указано, что мальчишку играет женщина, а ухватки, манера действовать и говорить – ну явно мальчишеские! Примерно половину действия я был убеждён, что в спектакль ввели какого-то молодого студийца, и лишь потом, по только ей присущему произношению отдельных слов, понял, что нет же, ошибаюсь я, мальчишку действительно играет Сперантова.

В тот день театр был в ударе. Логика, ритм и правда происходящих событий всё более и более нагнетали напряжение и ожидание трагической развязки. Ну, конечно, мы читали А.С. Пушкина, конечно, мы знали, что в конце концов любовь Маши и Дубровского так неповторимо трагически оборвётся, но до последних слов главных героев подспудно теребила мысль, что не могут так красиво и страстно любящие друг друга молодые люди прийти в своих отношениях к такой несправедливой развязке!

Но вот она, как известно, происходит: в конце последнего действия, в последних словах, в последнем порыве друг к другу... В зале установилась такая тишина, что никто не заметил, как с обеих сторон пошли навстречу две половины занавеса и поглотили стоящих безмолвно визави Дубровского и Машу.

После того как занавес закрылся, ещё несколько секунд в зале было всё так же пронзительно тихо. И – шквал аплодисментов! Хлопали от души, сильно, страстно, бурно, не обращая внимания, как о тебе и твоём буйном выражении чувств подумают сверстники-соседи. После пятого закрытия занавеса я понял, что не угомонится театр сегодня так просто, не отпустит от себя актёров, подаривших зрителям столь высокую поэму о любви. Я считал: занавес открывали и закрывали в общей сложности 25 (!) раз.

Больше никогда, нигде, ни в одном театре – ни в драме, ни в опере, ни в балете – я не был свидетелем благодарности такого накала со стороны зрителей и такого потрясающего успеха актёров.

В Центральном детском театре родилась большая взаимная дружба Геннадия Печникова и Олега Ефремова. Чего стоит хотя бы их легендарное послевоенное путешествие по волжским городам! Могучая природа Родины и тесное общение с современниками заронили в душу молодых актёров жажду говорить со сцены о самом актуальном в сиюминутной жизни. И название-то новому театру они придумали на Волге. Воистину, вначале было слово...

В ЦДТ состоялось многолетнее творческое содружество Печникова с Марией Кнебель, Анатолием Эфросом, Вениамином Каверинным, Виктором Розовым, Сергеем Михалковым. Этот же театр подарил Геннадию Михайловичу большую любовь к однокурснице по Школе-студии МХАТ Валерии Николаевне Меньковской. В 1956 году Печников и Меньковская соединили свои судьбы и стали мужем и женой. Кстати, диплом актрисы подписан у Валерии Николаевны самим Василием Ивановичем Качаловым. Потом Меньковская стала заслуженным работником культуры России, педагогом колледжа имени Гнесиных, автором очень полезной книги «Сценическая речь в воспитании актёров музыкального театра».

Геннадий Михайлович Печников – уникальный актёр мхатовской школы, посвятивший себя театральному искусству для детей. Вся жизнь его любимейшими авторами оставались три Александра: Пушкин, Грибоедов и Островский.

Впрочем, об Александре Николаевиче Островском в актёрской судьбе Печникова следует сказать особо. Жизнь свела его с персонажами из пьес этого великого русского драматурга ещё в Школе-студии МХАТ. Сначала это была роль авантюриста Глумова из «На всякого мудреца довольно простоты». А потом Робинзон – одна из главных удач в дипломной «Бесприданнице».

Первой работой в ЦДТ стал Баклушин в «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

И скольких еще персонажей «драматурга на все времена» вывел на сценические подмостки актёр и режиссёр Геннадий Печников! Вспомним спектакли «Тяжёлые дни», «Шутники», «Богатые невесты». Он ставил пьесы этого самобытного певца Волги и Замоскворечья

и со своими студентами: «Свои люди – сочтёмся» в ГИТИСе, «Не всё коту масленица» – в Школе-студии МХАТ.

Премьерой «Бедность не порок» Центральный детский театр открыл в своё время Малую сцену. Печников – режиссёр и исполнитель главной роли, Любима Торцова, – в этой постановке сумел органично соединить и переплавить разудалый русский лубок раннего Островского с доминирующим глубочайшим психологизмом школы Художественного театра времён Станиславского и Немировича-Данченко. Мхатовец до мозга костей, Геннадий Михайлович вышел победителем в таком подходе к драматургическому материалу – тем более своего кумира.

Свои спектакли по Островскому Печников играл в Доме-музее драматурга в любимом Замоскворечье, чеховском Мелихове. И играл порой прямо во дворе усадьбы. Его спектакли вписывались в натуру легко и свободно. Первородная среда великих художников России впускала в себя артиста начала XXI века. Для этого требуется совсем немного: оказывается, нужно лишь быть большим актёром, настоящим артистом...

Писатель и литературовед В.Я. Лакшин, большой знаток российской культуры вообще и один из главных знатоков творчества А.Н. Островского, сказал как-то по конкретному поводу своему соратнику и другу Печникову: «Вы просто обязаны поставить эту пьесу (речь шла о «Тяжёлых днях». – *Прим. автора*). Она мало шла, а вы ведь не просто актёр и режиссёр. Вы, Геннадий Михайлович, – про-светитель».

Мы, в своё время юные зрители Центрального детского театра, постоянно учились на его классическом и современном репертуаре правильной и красивой русской речи, умению общаться, дружбе, чести, мужеству, любви и, конечно, творчеству. В самом широком смысле этого слова. Центральный детский театр стал для нас вторым домом, а его актёры – уважаемыми и любимыми наставниками и друзьями. На долгие-долгие годы одарил меня своей дружбой и Геннадий Михайлович Печников.

Конечно, за столь большой срок служения детству он приобрёл немало верных поклонников своего таланта. Разносторонний, бесконечно много знающий, а главное – многое умеющий в общетеатральном деле человек, Печников известен как актёр театра и

кино, режиссёр, сценарист, автор концертных и радиопрограмм, нескольких документальных фильмов (о любимой Москве, Индии, Центральном детском театре), воистину неутомимый общественный деятель. Много-много лет он преподавал актёрское мастерство в студии ЦДТ, ГИТИСе, Школе-студии МХАТ.

Особое место в его творчестве занимал индийский эпос «Рамаяна», по которому в ЦДТ в 1960 году В.С. Колесаевым был поставлен одноимённый спектакль. Геннадий Михайлович исполнил в нём главную роль Рамы. Мастерством Печникова в этой роли, к счастью, могут полюбоваться и современные зрители, так как существуют телеверсия той «Рамаяны» (режиссер Г. Печников), пластинка, снят документальный кинофильм «Золотое звено дружбы».

8 сентября 1961 года, через год после постановки, в Москве спектакль ЦДТ посмотрел премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. «Вы настоящий Рама», – сказал он артисту после спектакля.

В 1973, 1974 и 1977 годах Геннадий Михайлович был гостем Индии. И дважды «Рамаяна» Центрального детского театра побывала на гастролях в далекой стране по личному приглашению Индиры Ганди.

В 1977 году ЦДТ был участником детского фестиваля Индии имени Дж. Неру. В нём участвовали около 15 тысяч индийских ребят! Как всегда, успех русского спектакля и русского актёра в роли Рамы был всеобщим и блистательным. Известный индийский актёр и режиссёр Радж Капур, посмотрев сделанный Печниковым телефильм «Рамаяна», в знак восхищения спектаклем и особенно исполнением Печниковым роли Рамы прислал ему свою именную серебряную медаль «Сангам». Индийский детский комитет во исполнение заветов Дж. Неру наградил Печникова медалью «Бал Митра» («Друг детей»). Так русский артист оказался первым и единственным иностранным гражданином, удостоенным этой награды. В специальном дипломе, прилагавшемся к награде, комитет отметил, что медаль присуждена «за выдающиеся заслуги в деле служения детству».

Индия у Печниковых – это семейное. Дочь Татьяна – филолог, прекрасный специалист именно по этой стране, переводчик. А Геннадий Михайлович между тем в очередной раз вернулся из Индии. Он был участником международного театрального фестиваля «Рамаяна», проходившего в деревне Каджурахо, известной своими ты-

сячетлетними храмами. А еще актёр получил письмо от министра и директора культурного центра Ашока Саджанхара: «Рад сообщить Вам, что в Индии в местечке Панчавати (место 14-летнего изгнания Рамы. – *Прим. автора*) будет открыт музей “Рамаяны”... Думаю, что в Вашем личном архиве найдутся фотографии, афиши, плакаты и другие предметы, связанные с постановкой “Рамаяны”. Мы будем чрезвычайно благодарны Вам, если Вы сможете передать часть из них музею “Рамаяны” в Индии».

Печников, конечно, нашёл и, конечно, передал. А заодно и подарил музеи А.Н. Островского в нашем Замоскворечье и Центральный театральный имени А.А. Бахрушина с молодым музеем в индийском местечке Панчавати. «До тех пор пока стоят горы и реки текут по земле, песня о Раме будет звучать повсюду» – так говорят в Индии.

И ещё один из спектаклей Центрального детского театра вспомнился мне совсем недавно. Как-то одна из нынешних мам пожаловалась мне, как теперь перегружают детей в современной школе.

– Подумать только, – возмущалась она, – учительница на уроке литературы предложила детям вспомнить 50 высказываний А.С. Грибоедова из «Горя от ума», ставших крылатыми выражениями, почти поговорками и пословицами.

– И это было трудно? – не удержался я.

– А сколько вы помните? – наступала дама.

Через полчаса на отдельном листе бумаги я выполнил задание, вспомнив даже чуть более 50 крылатых выражений А.С. Грибоедова. Пока я писал, в памяти всплыли впечатления почти 60-летней давности.

Я зритель «Горя от ума» А.С. Грибоедова в ЦДТ. Помню, как сначала поразили обстановка барского дома, так замечательно точно, реалистично воспроизведённая художником, и чудеса светотехники, волшебным образом показавшие переход от приглушённой ночи до забрезжившего зимнего рассвета, на фоне которого разыгрывалось тайное свидание Молчалина и Софьи. Замечательной особенностью Детского театра было то, что все персонажи соответствовали своему возрасту (во МХАТе и Малом театре, например, герои и героини из-за игравших их актёров выглядели тогда в полтора-два раза старше возраста, обозначенного драматургом).

Так вот о Молчалине. Стало быть, о Печникове. Он был молчалив, застенчив, красив, скромн, немногословен и галантен, но во всех его движениях, манерах проскальзывало что-то от дипломата, от протокола. Сразу же появлялось ощущение, что всё это неискренне. Но как он преданно, нежно и обольстительно смотрел на Софью!

А потом следовали сцены с Лизанькой, Софьей, Фамусовым – и только одному ему присущими приёмами и пристройками Печников на наших глазах выворачивал этого человека наизнанку. И вы испытывали всю переходную гамму чувств, от признания человека достойным и обаятельным, от сочувствия ему, что он вынужден сдерживать себя и свое чувство, до полного понимания, какой же это расчётливый, взвешенный, размеренный карьерист и эгоист – человек, не имеющий за душой ничего святого, но уж совсем не «мальчик» и не «слуга из жениных пажей».

Больше ни в одном театре я не был свидетелем такого филигранного разоблачения, казалось бы, идеального героя. В конце спектакля персонаж внешне был таким же, как в самом его начале, но наше знание об этом человеке, как бы вскользь и случайно приобретённое, вроде бы лишь подсмотренное, делало Молчалина в исполнении Печникова омерзительным.

Печников, который мог так замечательно воплощать совсем разных, совсем непохожих людей – Дубровского, Молчалина, Жадова, Чацкого, Раму, чешского Шванду, Мальволио, Любима Торцова, епископа Бьенвеню и еще многих и многих не упомянутых здесь героев, вызывал восхищение.

Он действительно служил людям, дарил им радость, знания, учил главной в жизни науке – науке сопереживать. И что, наверное, самое главное – этот талантливый, умный, добрый, бесконечно душевно щедрый человек служил детству – поколениям, едва появившимся на нашей планете Земля, и от которых зависит завтрашний день и самих этих людей, и всей планеты.

Обаяние, талант, многогранное творчество Геннадия Михайловича Печникова, посвятившего всю свою актёрскую жизнь детям и молодёжи, незабываемы.

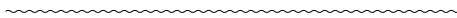

ЛИДИЯ ФАХРЕТДИНОВА

Варвара неверующая

Была Варвара верующей или нет, на этот вопрос она сама себе ответить не могла. А так все праздники христианские знала и соблюдала: куличи на Пасху пекла, на Масленицу блины затевала, в день Святой Троицы травами дом украшала. И когда односельчане затеяли церковь в селе строить, тоже не против была. Но разве могла предположить Варвара, что на строительство церкви средства будут собирать всем миром! Вот тут-то она и почувствовала душевные терзания: деньги отдавать жалко. А церковь-то нужна вроде как. Когда-то давно она была здесь. При помещике ещё строили. Помещик просвещённым человеком слыл, много для своих крестьян делал, даже разрешил им свой кирпич производить. Тогда дома в селе начали делать из кирпича. Они до сих пор стоят крепко. Честно делали кирпич, на совесть. Особняк помещичий кирпичный до сих пор сохранился, там школа средняя с советских времён размещается. А церковь белокаменная не сохранилась. Большевики не потерпели веру народную в Бога, храм разрушили и веру, кажется...

Таких, как Варвара, в селе было мало, в основном народ старался помогать возведению храма. Правильный человек попался из предпринимателей, он же и депутат. Понимал, что дело хорошее затеяли бабушки, но пенсий им не хватит, чтоб до конца жизни церковь увидеть. Вот и пообещал сруб и колокола заказать строителям.

Фахретдинова Лидия, член Союза писателей России, автор десяти книг. Действительный член Петровской академии наук и искусств.

А уж остальное всем миром, как говорится. Слава Богу, что весь мир села вдохновился созиданием храма.

Дело затянулось на два года. Варвара бесновалась: куда же деньги всё собирают и собирают? Сама-то она двести рублей отдала. И вроде бы жадной не считалась, но тут словно лукавый вмешался. Не верила в общее дело и денег не давала. Особенно её бесило, что соседка Клава с каждой пенсии по тысяче на церковь несла. И, по слухам, многие так делали. А Варвара на каждом углу пыталась дискуссии заводить о том, куда деньги церковные расходуются.

Пыл Варвары понемногу стал угасать, когда дружно сельчане положили фундамент, а на следующей неделе купола привезли. И Варвара забеспокоилась о другом: деньги на храм перестали собирать. Напрямую спросить не решалась у представителей церковной общины, но к разговорам соседей прислушивалась. А вдруг зайдёт разговор про деньги, и она тут уже не упустит случая внести тысячу или две. Но новость была одна: сруб на днях обещали привезти. Пересуды о трате денег перешли в обсуждение обустройства храма. И Варвара оказалась ни при чём: никто с ней не планировал дел, поскольку всем ясна её позиция.

Почувствовала она себя вдруг одинокой и всеми покинутой. То ли от злости, то ли от старости, но занемогла Варвара. Начали мучить её тревожные сны, смысла которых она никак не могла понять. Отец покойный просил поставить Богородицу на место. «На месте она стоит, – думала Варвара. – Как и полагается – в переднем углу в киоте». На деревянной иконе лик Богородицы почти не виден, так стара была реликвия, но свет её ощущался даже в темноте. Как и когда появилась она в их доме, Варвара не знала.

Через несколько дней во сне опять явился отец и повторил просьбу. И она вдруг вспомнила, что горницей при жизни отца считалась другая комната в доме. Перенесла иконку Варвара на прежнее место и успокоилась. На следующий день она проснулась от тревоги: сон повторился, и просьба тоже. «Что же это?» – всполошилась Варвара. Впервые за много лет ей захотелось в церковь сходить, за упокой близких свечи поставить. Но нет, церковь в селе только к осени откроют, а в соседний район ехать здоровье не позволяло. Куда же податься? И тут к ней дальняя отцова родственница пожаловала справиться о её здоровье, несмотря на то что сама была старше и болезнями обременена больше. Вот ей-то и поведе-

ла о своих муках Варвара. «На место, говоришь? – начала медленно вспоминать родственница. – А знаешь, какое место этой иконы Богородицы? Вот слушай...»

После революции большевикам беспокойно было оттого, что народ в церкви ходил, молился. Считали, что это от неграмотности люди в Бога верят. А надо верить в коммунизм! Вот и начали везде церкви разрушать. В селе нашем в тридцатые годы разорили церковь. Большевики были чужие люди, их деды не строили эту церковь, поэтому безжалостно разрушен белокаменный храм в центре села. А верующие люди ночью из развалин доставали иконы и деревянных ангелов и тихонько прятали в своих домах до лучших времён. Но времена долго не наступали, изображения святых на деревянных иконах начинали постепенно стираться, дети и внуки тех верующих скупщикам начали продавать их...

И тут поняла Варвара, откуда эта икона и где её место, о котором просил отец. «Церковь! Её надо отнести в церковь!» – осенило её. Из детей у отца она была одна, а ей вовсе детей Бог не дал. Так что продавать икону никому в голову не могло прийти. «Эта икона из той старой церкви! И место её теперь в новой!» Варвара торопливо, но бережно завернула икону в новый платок и отправилась к храму. Сердце колотилось от переполняющих чувств, что вот она, Варвара, совсем не жадная и такую дорогую святыню в храм несёт! «Только бы не умереть по дороге, – мелькало в голове Варвары, – донести надо».

Стояла тёплая пора уходящего лета, жители села заняты в это время на огородах сбором последних даров урожая. Никто особо и не обратил внимания на торопящуюся куда-то Варвару, никто не видел её одухотворённого взгляда. Она успела присесть на ступеньку крыльца церкви, которую строители торопились закончить к Покрову. «Возьми, пожалуйста, и поставь её на место, – обессиленная Варвара протянула икону подошедшему парню-строителю, – Богородицу поставь...»

РУСТЕМ ШАРАФИСЛАМОВ

«Вшивый интигилент»

Они появились незадолго до войны. Мы с Марусей наблюдали из окон, как грузчики выгружают их вещи, большую часть из которых занимали книги, аккуратно перевязанные верёвочками.

Потом появились и сами хозяева – красивая, ухоженная женщина с кудрявой девочкой, ровесницей Маруси, и мужчина в круглых очках или пенсне. Они заняли одну из немногих отдельных двухкомнатных квартир в нашем доме на Петроградке.

– Папа! – тронула меня на коммунальной кухне за рукав маленькая дочь. – А кто такой вшивый интигилент?

Рустем Шарафисламов — писатель, блогер, бизнесмен. Родился 9 мая 1966 года в городе Уфе. Образование высшее, специализация — психолог. Создатель проекта «НеПравильные люди», поддерживающего начинающих авторов в социальной сети Facebook. Мастер спорта СССР по современному пятиборью. Совладелец ООО «РОСМЕТ», ЗАО «Кондитерская фабрика “Нева”», ООО «Петербургские художественные мастерские “Золотой Век”». Автор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Юность», книги «НеПравильные люди».

Проживает в г. Санкт-Петербурге с 1987 года.

Марусе было всего шесть лет, и это слово она слышала впервые.

Я с укоризной посмотрел на Фросю, соседку по квартире, склочную, большую, одинокую бабу, которая, переехав из деревни, работала на Бадаевских складах кладовщицей. Та, услышав нас, сделала вид, что совсем ни при чём, поддёрнув плечом, быстро отвернулась и нарочито шумно загремела посудой.

Маруся сдружилась с новенькой девочкой, которую родители звали Лёлей. Приходя из гостей, она взбиралась на стул, грустно вздыхала и рассказывала нам, какая есть у её новой подружки красивая и большая кукла.

Мужчину не приняли во дворе. Высокий, худой и сутулый, сверкая стёклами очков, в сером плаще, в наутюженных брюках с подворотами внизу, он, казалось, смущается своего положения и должности. Каждый раз, выходя из дома, он застенчиво улыбался, приветствуя всех находящихся на улице, приподнимая шляпу. Мужики что-то отвечали приятное в ответ, но вслед уходящему говорили совсем другие слова. Иногда за ним приезжала служебная машина. Поговаривали, что он работает в каком-то научно-исследовательском институте.

А потом началась война.

Мы смотрели с Марусей на двор, заваленный листьями, который в одночасье стал пустым и тихим. Сначала пропали мужики, играющие в шахматы или домино, а потом совсем исчезла детвора.

Во вторую блокадную зиму пришлось совсем худо. Было необычно холодно. Не хватало всего, даже самого необходимого – воды, дров, еды. Война затянулась, и начала пропадать надежда. Спасала моя бронь и должность, за которую давали усиленный паёк и карточки.

Уже умерла от голода Фрося, которая, казалось, переживёт нас всех. И уже почти пропали все жители нашего большого двора. В подъездах на стенах инеем голубела изморозь.

В один из вечеров к нам постучали. Открыв дверь, я увидел того самого «вшивого интигилента» со связкой книг в руках.

– Вот! – он протянул мне стопку. – Увидел свет в вашем окне!

– Спасибо, – поблагодарил я его, принимая книги. – Почитаем на досуге.

– Нет, что вы! – махнул он рукой. – Это на растопку!

Он засуетился, пытаясь объяснить:

– Только учтите, книги плохо горят. Их постоянно нужно ворошить в топке. Иначе можно угореть.

– Да, спасибо! – обрадовался я. – Мы непременно так и сделаем!

Он попрощался и неуклюже, в мешковатой несуразной одежде, стал спускаться с лестницы. Сделав три шага, остановился.

– Боюсь спросить... – он снял и протёр очки. – Как ваша Маруся?

– Спасибо, жива... Простыла только. Лечим чем можем.

– Жива! – обрадовался он. – Слава Богу!

На секунду задумавшись, тихо пошёл по ступеням вниз в огромных, не по размеру, валенках, держась за стену.

Через час в дверь опять постучали. Открыв, я снова увидел его. В его руке была кукла. В полумраке промёрзшей прихожей она казалась неестественной в своем лёгоньком и коротком летнем платье.

– Извините... Ребёнку нужны добрые эмоции для выздоровления, – сказал мужчина, тяжело дыша, переводя дух и протягивая мне куклу.

– А как же Лёля? – удивился я.

Он опустил взгляд:

– Лёле больше она не нужна... Хотели сохранить, как память. Но вам нужнее.

Он сунул руку в карман и достал склянку.

– Рыбий жир. Чудом удалось сберечь. Должен помочь.

Прощаясь перед уходом, он протянул мне руку в перчатке:

– Касторский. Генрих Людвигович... Извините, что не снимаю, – мужчина кивнул на руки. – Завшивели...

Наши взгляды встретились. В уголках его глаз, сквозь стёкла очков, промелькнула улыбка.

Сжигая книги, я попутно перелистывал страницы и читал Марусе «Остров сокровищ» Стивенсона и «Войну миров» Уэллса в отблесках пламени печи.

Их увезли и похоронили где-то в общей яме на Пискаревке.

«Остров сокровищ» сжечь не получилось. Рука не поднялась, и книга до сих пор с нами. Она стоит на полке с другими.

Это всё, что осталось от семьи Касторского Генриха Людвиговича.

3

МОНОЛОГИ

МИХАИЛ ЧЕРДЫНЦЕВ

Из книги

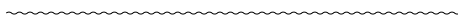
«Преодоление барьеров: результаты встречи»

ЧЕРДЫНЦЕВ М. Преодоление барьеров. Проект «Точка зрения». Стихотворные произведения ритмического минимализма или образного малословия. Книга двадцатая.

*Без смысла перемен, преодолев зевоту,
Я в слове чувством наделён к полёту –
Сверкания огня, как свет просил.
Чему же верить? Если жизнь упряма,
В ней, всё в делах рассчитано до грамма,
Потраченных тобой реально сил.*

Эзра Паунд

*Сложней желаний, проще, чем сезон,
Поймать пытаюсь возраст состоянием,
Но тайна рвётся к встречам в унисон
Сквозь ветра взгляд от чувства расстояния.*

Поэзия **Михаила Чердынцева**, публикуемая в журналах и газетах второй половины XX века и первой четверти нового XXI, а также постоянные выходы авторских книг в отечестве и за рубежом, определили его независимое и отдельное положение в современном литературном процессе, как основателя и лидера русского ритмического минимализма или образного малословия.

*Зато, держа возможности, берусь
В отечестве для встреч найти ответы.
Но там, где тает мгла твоя и грусть,
Приятен сердцу мир иного света.*

П. Улитин

О минимализме

Сегодня, стоит понять, что каков бы не был ритм современной жизни и существующий способ её познания, форма художественного постижения действительности стремится к минимальной выразительности её сущности.

Лидер поэтического образного малословия или, как принято сегодня называть – минимализма, поэт Михаил Чердынцев, храня молчание там, где иные нагромождают многочисленные и сложные метафоры, разрабатывает повторное постижение происходящего простыми словами – понятиями, поворачивая их в разные стороны по тексту к пространству мало употребляемых словосочетаний, именно так он пытается найти ответы на поставленные миром вопросы.

И находит! Поскольку, старается не выходить за рамки принятых когда-то творческих правил:

1. Поэзия современного минимализма или образного русского малословия – песок, а не смазка в механизме современного литературного процесса.
2. Для представителей движения минимализма – важнее говорит, чем быть услышанными.
3. В любом месте и времени можно найти абсолютное ничто. Ничто как возможность.

Лидер движения: Михаил Чердынцевъ

Монологи для М. Попова

1

В итоге встречи

Поскольку тает в чувствах пелена
событий, дробность дела объяснима,
Зато ясна нам с возрастом цена
Возможности, но случай тает мимо...

Незримо ощущениям заслон
едва поставив, каждый раз в итоге
Переживаю, как забытый сон,
Реальности в поступках на дороге.

Печаль душе невыгодна, теперь
Хотя желанна радость расставания
Без страха, перед гордостью поверь,
К воде живой измерив расстояние.

Или возьмём иначе, подавив
В себе стремленье к счастью, в результате
нехитрый вспомним случая мотив:
Как ждать блаженство там, где труд некстати.

Пусть будет так, но с делом красота
Сквозь дым мечты просвечивает зримо...
К свиданьям путь найдём, зато сюда
ты обречён, лететь непоправимо.

Так задавая подлинный вопрос,
Не получая ясного ответа,
Растрачу русских чувств запас всерьёз
На предложенья западного света.

2

Грани возможности с тобой

К напряжению мысли, если бьются опасно сердца,
В беспощадном приливе желаний и боль впечатлений
Вечер тает внезапно, словно мысль, исчезая с лица,
Каждый раз замирая в границах объявленной лени.

Эта вечная тайна перемен делит жизнь пополам,
Через точные чувства,
оживляя в Отечестве силы.
Все что сделано было, обращается временем в хлам
Ожидаемых встреч, о которых душа попросила.

Я со сна, пережду на опушке владений твоих
Приглашений к удаче малозольных желаний
с обманом в дорогу;
Ты летишь через город и, не зная ответов прямых,
Мне беззвучно кричишь, отвергая от сердца острогу.

А пока, одиноко рука обнимает во сне пустоту;
Впечатленья слоятся без правил и до результата.
Но дыханье, беспечно, рвётся к вечности,
тая во рту,
И не требует русская лодка свиданий возврата.

3

Правила поведения

Чтобы чувства свои проявить между дел на замеленном дне,
Изучая возможности к смыслу событий на видимой карте,
Оставляю для подписи текст завещанья родне,
Вспомнив пар результатов всех соблазнов,
взращённый в азарте.

Кстати петь и смеяться, и толкать безысходные дни,
Всё в желаньях стерпев
От стремлений попыток напрасных,

В срок попробую, сверив в пути светофора огни,
Для возможных событий к изменам и встречам опасным.

Впрочем, смысл движенья здесь, когда мы друг друга найдём
Меж фонарных столбов в том,
что лес испытаний безумьем прибудет;
В мире, до результатов покинув, назначим приём
Среди Ангельских дел, по итогам просроченных буден.

Все на свете случается – лишь ощущений твоих
не смогу удержать вслед за возрастом,
раз уплывает
Веры свет в русской жизни там, где нет к сожаленью
ни дорог, ни поступков прямых,
Если с облаком правды, Божий дар иногда убывает.

4

Постижение реальности встречи

Как быстро опустела наша жизнь.

В. Пронин

Отчаянно, смешав оставшиеся дни,
Я выберу во тьме привычную случайность
для поздних встреч в местах, где мечутся огни,
Открыв сквозь результат судьбы необычайность...

Или собрав итог, держащий жизни нить,
Смешаю явный ритм с безумием событий
в поступках; Кстати, как ты их не поверни,
Придётся смысл призвать нечаянных открытий.

Так сделав первый шаг, не чувствуя стыда,
Упорствуем во всём с желаньем совершенства;
Но исчезает мир – неведомо куда,
Открыв опасно дверь к мгновениям блаженства.

Здесь, подведя итог пришедшим миражам,
Попробую с тобой, во всём договориться;
А если прояснить затёртый в витражах
сюжет, то ничего возможно не случиться.

5

Родительский размер

Мир, раскрывая день, морочит взгляд и слух,
Стихает редкий шум под песни расставания...
От возниканья дел,
где испытаний круг теряет форму лет
до точности услуг
Насущных отыскав, творя миры призвания.

Но есть ещё вокруг – достойные места,
Где каждый шаг к тебе несёт кровопотери,
С возможностью стряхнуть свидания с листа
В росу живую дней, открыв виденьям двери.

Трепещет птица лет за песней у куста,
И требует в ответ по праву оперения,
К согласью точных слов, как пары для гнезда.
А в перспективе дел,
поскольку тьма пуста,
Найти свой результат сквозь смысл определения.

Тогда прошу, ответь родительская замаять,
в понятиях чужих: что нового внесут
Огни в твоей судьбе. Но если поздний суд
даст настроенье? Нас в Отечестве спасут
сомнения и лёд видений честных в храме.

Но мы с тобой одни идём к реке в лесу,
и многословьем встречи размываем память.

Теперь о птице бед, на гранях поздних бед
Не свить гнезда в ответ среди условий, вслед

Событиям, где жизнь к бессмыслице стремиться,
Но время часто льёт нам поверху страницы
Невидимый для встреч гармоний поздний свет.

И даже, если искренне вослед
Течению страстей, сквозь возраст с голубицей
Найдём с тобой теперь к спасению совет –
То смысл побереги, единственный ответ:
Как потеряв тебя, во тьму не оступиться?

6

За гранью ощущений: здесь и сейчас

Разум тратит беспечно запас ощущений, опасно
Вытрясая реальность желания отношений
Сквозь возможность
свершений у грани результатов в суму
откровений.

Пока с обладанием чувства становится ясно,
Власть событий торопит нас неизбежно к итогам во тьму.

Повторюсь:
отражённый зеркальный на сердце забытый обряд
До свидания, чувства растратив в сомнениях,
ситуаций затейливый ряд,
но забвеньем разводит сюжеты реально в угоду,
Припасённым по случаю частого прикосновения,
О котором мечтают, опасно, да не говорят.

Вечер воздух на встречах
С листвою сокровенной в мгновеньях погодой калечит.
Впрочем, с ужасом жесты изводят желанья,
Припадая упрямо к уму;
Но по месту свершений условий, собирая возможность
Отречений в тугую суму
Там, где жертва событий величием видимым лечит,
Ощущения скрыв в ненавистную возраста тьму...

Невозможный, теперь,
с наведением глянца по жизни ответ
отражает среди впечатлений в Отечестве свет
Поражений, сведённых к орнаменту действий на ткани
Дел сокрытых.
Свернув результатов двойных ритуал
От задуманных встреч, ожидаю, сюжет прикосаний,
Только с тем, кто в конце оправданий поступков устал.

Но поверь, что в ответ нам теперь
объяснений достаточно вроде –
Если в бездне движений, куда растекается времени грим,
Пусто ждать, хлопоча о проблеме достатка в природе.
Или требовать знаний о выделке в будущем роде,
Неспособного выжить
в объятиях русских, настолько всё быстро творим...

Кстати, здесь и сейчас
Исчезают с узором неузнанным вроде,
Незаметно фигуры предметов – поскольку мы вечно горим
с миром истинной воли,
стремясь повернуться к свободе...
Впрочем, правды об этом друг другу мы не говорим.

7

Вопросы и ответы

К секундам встреч, к минутам расставания
Жизнь на коротком поводке свидания
Упрямо держит свору новостей
Из общих тем... Поскольку чаще ищем
Возможности и СМС-ки пишем
Среди кипенья подлинных страстей.

От часа происшествий до мгновения,
В тумане мир скрывает с откровением
Узоры дел сквозь облако вранья...

Но там, где слов в ответ почти не надо,
Пусть будет всем заслуженной наградой,
Прикосновенье с криком воронья.

А дальше? Вечность видится без тела,
Которое не то, чтоб надоело
Бессмысленным желанием тепла.
Но мир реальный подлинной заботой
Волнует нас, стреноженных работой,
На грани тьмы и мутного стекла.

Здесь мы вернёмся к призрачному делу
От радости нечаянной предела
Исчезновений омертвевших дружб...
А впрочем, поезда и самолёты
По-прежнему, приносят нам заботы
Неверия с объятъем вечных служб.

От радости в минуты расставания
Судьба нам обещает в миг свидания
Блаженство на коротком поводке
Поступков, кстати в тишине событий,
Для совершенства в строгий миг открытий,
Найдём возможность с перечнем в ларьке.

Тут можно, собираясь, каждый раз
Для происшествий выполнить наказ:
Удача, подберёт к свиданью скоро
Сюжетец перемены среди дней;
Но чем теснее жить, тем мир сильней
Сжимает вечность тьмой кромешной спора.

Где мы с тобою ждём, пока уснём
Под снегопадом времени, с огнём
Удерживая нити разговора
Под ветром русским, образуя вдруг
Осмысленный, но миротворный круг
Из хаоса бумажных дней раствора.

8

К запасам встречи

*Из глубины размышления выплывают
рыбы подсознания...*

МАЧ

Раскинув сеть желаний, каждый раз
Воспоминанья наполняют сферы
ушедшего, где есть немало фраз
О власти страсти к делу вместо веры.

Душа живая, пусть содержит здесь
В объятьях чувств возможность удивляться,
С желанием про то, что смысл есть
лишь только в том, как ощущение длятся.

Зато защиту возраст обретёт,
Храня в запасе пониманий случай.
Славянский мир широк, да ты не тот-
Покой ломать и сон в сомненьях мучить.

И что?

В карманы, спрятав пустоту,
К чему хранить в запасах возражения
Поступки, или вновь скользить по льду
К последнему победному сражению?

Зато, взгляни, в дверях тебя влечёт
И гимны оправдания бормочет
Мгла подлых чувств, и доводы в зачёт
Бессмысленные принимать не хочет.

9

Разговор с веком

Шум ушедшей эпохи, для чего ты нас манишь обратно
    Перед каждым мгновением в памяти,
        выбирая опасно сюжеты?
Век гремит за окном, с ветром тайным условий опрятно
        Без претензий,
А впрочем, скрывает бездельник ответы.

Но в реальности смысл раскрывает шум воспоминаний,
    И торжественно память
        нас торопит в пространство пустое событий,
        Забывтое где-то.
Там, где нас уже нет, возникает руда испытаний
    Среди тайны Востока от незаходящего света.

Посмотри на любимую, пусть ломает не девичья гордость,
А во всём разбираясь, независимых чувств сохраненье.
    Если Бог поделил нас,
    То поскольку здесь царствует кротость
Перед временем жизни, ни к чему эта жажда горенья!

Мир славянский не громко тебе отвечает,
    пустыней влекомый:
– За окном суета и погода не ведает горя.
    Но звонит телефон и зовёт нас
        до боли знакомый
Голос низкий обратно, о возможностях будущих споря.

10

Точно и вовремя

Ольге С.

Светлая память согласий с тобой встречи просит,
Сердце тревожа блаженным стремлением к тени
    В пору иную, где ветер событий уносит
    Все, что останется после и до обретений.

Шум торжества за окном затихает на зависть,
Время готово к свиданьям наполнить карманы.
Вечность выходит на службу,
И в сонме красавиц
Счастье находит от русского чувства в тумане.

Что же теперь остаётся? Попробуем вместе
Не закрывать на замок ощущениями двери.
Слышишь вдали?
Это птицы небесных предместий
Тихо щебечут про боль приходящей потери.

11

Реальность и сон

Однако русский свет короче тьмы движения
В Европе, в смысле там, где в таинстве теней
сюжет жестоких сцен среди преобразования
Затягивает мглой конверт сражённых дней.

Не обмани меня, скажи, зачем за гранью
У времени во тьме неясных встреч с тобой
Сквозь разговор немой,
итог украсив бранью,
Попробуем найти согласие с судьбой.

Да эту дверь закрыв, соотнесу стремление
К тебе с движением, в конце произнести
Защиты ответ в словах, по направлению
Отыщем с верой дня для истины пути.

Переживать простор в порывах пробуждения
Мгновений, здесь с утра приходится опять,
Но вымерзает мир от правды возрождения...
И впечатленья сна на памяти горят.

12

Прорыв

*Жизнь – такова, какова она есть
и больше не какова.*

В. Костров

Вновь памяти платок за линией огня
Стирает копоть чувств росой расставания
С лица, где пыль твоих поступков для меня
С исходом дней лежит на складках состояния.

Или иначе: здесь так хочется взойти
на холм за грань тепла
в душе к привычной скуке возможностей.
Прости, но результат в пути
Из меди бытия куёт ключи к разлуке.

Завинченные, всем бессмертной тропой
С потерей веса, ждём итоги с тьмой кудельной
В определениях безделья, но с толпой
Событий здесь приняв призыв в срок беспредельный.

Без возражения, приобретаю теперь
К условиям с мечтой согласие на встречу,
Пусть стану осуждать свой опыт дней, поверь,
Простор поступков прав, нас делом обеспечив.

А впрочем, иногда по правде с суетой
Приму легко взамен кредит дороги дальней,
Переходя порог в Отечестве святой
Для встреч,
найдя предлог с проверкой госпитальной.

И все-таки вдвоём здесь, двигаясь вперёд
От темноты идей вдоль каменных ступеней

предположений, жизнь со временем найдёт
Решений смысл с огнём, проявленных сомнений.

Но споры, разделив, теперь внутри поры
Стремлений в мир,
пройдя пространства испытаний.
Для нас в тумане чувств бессмысленно творит
Загаданный мираж блаженных состояний.

Напрасно может быть, но, кажется уже,
Поступки звать ко сну, давя в ответ на жалость;
Когда раскрыта дверь на первом этаже,
Как знать,
зачем душа весь мир постичь старалась?

Договоримся так: что оправданий гнёт
Очерчен, и судьбой пределы обозначит...
А сердце в кураже отказов поздних ждёт:
В стремленье избежать возможной неудачи.

13

К попытке всё устроить

Но всё, о чём с тобой я часто дорожил,
Растает с суетой среди реальных планов.
Наш мир, теряет смысл ушедших поздних сил,
путь отыскав во тьме, но к дому великанов.

Так, как ты не старайся, скрытый лаз
Преодолев в пространство строгих мнений
К событиям, в Отечестве рассказ
Сойдёт за форму личных объяснений.

Поскольку, тайных чувств уже угас огонь
Свиданий, результат есть у песчаной мели.
Но прошлое, в ответ случайно только тронь,
Как вспыхнет свет иной из глубины недели.

Пусть просто всё теперь... Наш мир не одинок.
Вновь, среди встреч найти всю гибельность потери
Стремится поздний луч за чувством,
кстати, в срок
Чтобы принять итог, не открывая двери.

А впрочем, понимаю – это знак
К согласию возможных отношений.
Но сколько плоть в ответ не зажимай в кулак,
Она теперь не выдержит лишений.

Как знать, когда во всём спасает редкий миг
Под ветром русских дней от зла до объяснений...
Кого винить скажи,
коль гений не постиг
Преображений смысл среди грядущих мнений?

14

Кипенье встреч

Свиданий здесь не часто хочет ждать
Кипенье чувств до изменений дела
Напрасного, которого хотело
Всё вперемешку, как бы нам отдать.

И тянется бессмысленная нить
Возможностей, ко времени свидания.
Здесь стоит после длить и сохранить
Остатки чувств в душе от расставания.

Нет смысла быть, когда растают дни
И снег исчезнет с переменной года
За что? Когда торопимся одни
Найти дорогу, к счастью перехода.

Печаль всё скроет? Если есть предел
У поиска желания для встречи.

Давай, прибавим к результатам дел
Событий соль в замес противоречий.

Пусть повезёт, поскольку дел смола
С кипением в Отечестве посмела
Разлить удачи там, где жизнь ждала
Событий вперемешку, но сумела
Найти возможность проявиться смело,
Забыв конечно прочие дела.

15

Испытание встречей

Между тобой и мною бытие,
Где испытаний видимо, немало...
Но как в итогах отделить своё
От прочего
Достойного, устало.

Пусть в каждом слове, жесте и делах
Сквозит удачно смысл твоих событий...
И вроде силы есть,
но гонит страх
Волну фантазий к берегу открытий.

Кто мне поможет, если всюду ты?
И чувств обвал грозит: преобразиться,
Преодолев границу темноты,
И, всё приняв, во встречах отразиться.

Поскольку жизнь, свой совершая круг,
Нам клонит день и торжествует случай,
Прошу тебя, оставь своих подруг
И разговором душу мне не мучай.

В условиях значение всему
Придать смогу, поскольку окружает
Здесь праздность веры.

Только не пойму,
Как сердце градус чувств в ответ снижает.

Невидима зависимость конца
От поздних встреч во тьме приобретений.
Сомнений тень морщинкой у лица
Скользит и тает с вечностью мгновений.

16

Холод отношений

В чужой, душе неведомой стране
Забывших происшествий, обо мне
не вспоминай рассеянной порою...
Под скрип непостижимого весла
И крики птиц к преодоленью зла
По времени, которого не стою.

Вновь повторяю, опять в который раз
Среди воспоминаний наш рассказ
Сожми до результатов,
И не мучай...
В картине буден прошлых перемен,
Среди последствий радости измен
К возможностям, забудь про этот случай.

А здесь над светом воцарится мгла,
Поскольку жизнь в поступках обрела
Реальность дела для существования.
Условия, спасающего нас
На встречах – «нет»!
Но ты мне каждый раз
Напрасно предлагаешь расставание.

Зато смотри, отчаянно печаль
На сердце вьёт гнездо и тает даль,
Поскольку нас, никто не станет слушать...
От чувств, несущих видимый разлад,

Пусть плоть трещит по швам –
Таков обряд:
Сквозь время возраст бьёт опасно душу.

Послесловия

Внезапные сочетания

*Рассвет пока за все в ответе, среди
двора слабеет мгла.*

Л. Лавров

Заполняет согласие наших желаний
С пеной времени, неожиданно нежно
Между тайн и пробелов
дел пристойных безволия знаний.
Только тем, кто запасы событий потратит небрежно,
Возраст позже предложит возможности для испытания.

Вариант безобидный:
Мы попробуем встретиться снова,
Одолев страхом зависть, от продажи прощению внемля.
Здесь причины к итогам свершений –
живая по смыслу основа
Изливаются желчью событий на грешную землю.

К испытаниям можно иначе:
Представим к разлукам мгновения,
Чтобы путь отыскать результатов к поправке здоровью;
Пусть живые решения с возможностью проникновения
Тянут горечь сквозь зависть конечную к чуду с любовью.

Да, во всём, иногда,
проступают на плоскости ткани
Сквозь орнамент свидания в сценах сакральных сюжеты:

Пар желёз в организме обостряет процесс проникания
Сквозь конкретную праздность поступков,
В понятия одетые.

Разделённые чувства сойдутся, страдая от жажды,
На пространстве за дверью,
где согласий возможны уроки.
Пусть в позёмке событий с мечтой остаются однажды
К встрече случаев мелочь от сознания вечной мороки.

Впрочем, можно иначе – здесь поскольку взаимности нити
С продолженьем удачи прошивают события лихо
Результатами край перемен по возможности, но извините,
Где сомнениям вход, тема выхода явится тихо.

Слово за слово
в срок речь меж нами в условиях прогнётся,
Возвращая из памяти вязкой былого мгновения.
Здесь, секунда в пространстве так нежно
к душе прикоснётся,
Что откроется правда удачного исчезновения.

Живущему страстями

В ощущениях вида,
но по дням, разделённым на части,
собирая надежды возможных теперь полномочий;
Надо, вспомнить на встречах
забытую призрачность счастья,
Пережив то, что скрыто судьбой за строкой многоточий.

За придавленным грузом событий,
предлог испытаний
Составляет надёжно к прощению доводов стаю.
Если, правда – в поступках, то блуждая по книге свиданий,
Смысл к явным безумиям встречи с тобой допускаю.

Отойдя от предмета, я намечу конкретно границу
Сквозь условия глыбы «Согласен»...
Поскольку в дорогу
Происшествия кроме желаний, способных присниться,
Дарят силу сражениям заржавленных дел понемногу.

Холод – вещая птица. С охраной экранных видений
К ощущеньям подбросит возможностей медные перья.
Впрочем, возраст таит в себе сумрак
совместных владений
Тех, кто бродит внутри или топчется робко за дверью.

4

ГОЛОСА

«Вот мы и встретились — Здравствуй, душа-недотрога...»

Воспоминания об Ольге Чугай

Мама, Ольга Олеговна, О.О., Ольга Чугай, поэтесса и переводчик...
Переворачиваю страницы маленькой книги «Судьба глины». Я знаю, что опять окажусь в этом таком родном саду слов и образов.

*Летний ликующий лес, ливень, летящий отвесно...
Тесно (признайся мне честно) от рукотворных чудес...*

Наплывают воспоминания. Мама стоит перед зеркалом в коридоре и причёсывается. Из кухни на зеркало падает свет, и оно мне кажется совсем светлым, как окно. Мне года три-четыре. Стою за спиной у мамы, надо мной плавает светящаяся пушистая копна её волос. Золотисто-оранжевые, чудесного мягкого оттенка, они касаются моего лба и щекоют мне ноздри тёплым запахом лёгких летних духов и резиновой щётки.

Причесавшись, мама отступает в темноту коридора.

*Что это? – эх... Замри!
Вслушались... Вдумались... Вникли...
Шорох. Рожденье зари.
Вот из чего мы возникли.*

Спустя годы я поняла весь магнетизм этих строк, точность образа: Ольга Чугай, поэтесса, находясь в зените своего поэтического лета, дышала легко и очаровывала музыкой своего неповторимого голоса.

Ольга Чугай, 80-е годы.

*Сегодня не надо желать ничего.
Сегодня ты пленник зрачка моего!*

.....
*Сейчас я доверю бумагу руке –
И ты улыбнёшься в короткой строке...*

Как же проявился этот голос и почему мама начала писать стихи? Что оказалось той самой нитью Ариадны? Я думаю, что это случилось благодаря близкому окружению, с одной стороны, и непростой семейной истории – с другой, заставлявшим маму мечтать и любить, бунтовать и замыкаться в себе, удирасть из дому в свой мир образов и рифм... Она росла без отца, с бабушкой – Евгенией Ивановной и дедом – Александром Семёновичем Бедняковым. Мать свою называла Нинулей, а дед, Александр Семёнович, профессор филолог-русист, заменил ей отца и, главное, был самым близким по духу человеком. Он преподавал в Московском педагогическом институте, писал учебники русского языка для иностранных студентов, а также ездил в экспедиции, собирая языковые диалекты Русского Севера и Центральной России. Увлекался музыкой и сам играл на скрипке и пианино. Мама рассказывала, что в Сокольниках (где жила вся семья) часто гостили друзья деда, филологи А.В. Текучёв и С.Г. Бархударов. Сама она сидела под столом и вовсю слушала их беседы, пока пунктуальная бабушка Евгения Ивановна не отправляла её спать.

Здесь берут своё начало картинки и воспоминания детства. Атрибуты профессорского ремесла Александра Семёновича становятся для Оли именами собственными. Под столом сидит свой Бука, который ей кажется вполне дружественным персонажем:

Памяти А.С. Беднякова

*...И тросточка, и шляпа, и портфель,
Бумагами забитый до отказа,
Рогатые создания – Корректора
И Кафедра –
Они тебя влекли
Из дому в мир иной,
А я боялась их,*

*Вернее – этих слов...
И под столом
Сидел злодей
По кличке УЧ-ПЕД-ГИЗ!
Но он меня не трогал.
Он с тобой дружил...*

«Бабка» (со слов Ольги Олеговны) была властной и деспотичной, почитывала в студенческие годы Шопенгауэра и даже написала о нём курсовую работу. Проучившись какое-то время в Саратовском университете на философском факультете, она вышла замуж, родила дочерей-близнецов – Нину и Люду и навсегда затворилась в домашнем хозяйстве. У Нины было замечательное меццо, а у Люды – сопрано, они пели вечерами под аккомпанемент дедовского пианино. Это не помешало Евгении Ивановне запретить Нине поступать в Московскую консерваторию. Нинуля была существом бесконфликтным и покладистым. Её голос весь ушёл в колыбельные, которые мама, а потом и я слушали всё детство... Евгения Ивановна была намерена привить внучке любовь к музыке и наняла для неё учительницу по фортепиано. Та оказалась жестокой, правила маму по рукам линейкой за каждую ошибку. Она навсегда отбила у неё вкус к музицированию.

Мама с дедом А.С. Бедняковым.

В 1962 году Оля потеряла любимого деда и забросила школу. Какое-то время училась в вечерней, а в 1964 году поступила на истфак МГУ. К этому моменту уже существовала её первая тетрадка стихов, «Зелёная лодка», напечатанная на машинке Combina, подаренной ей Александром Семёновичем.

*И мой удел бумаги, и портфель,
И Корректурa, и табачный дым,*

*Точь-в-точь такой, как над столом твоим.
Ты стал добычей вечности,
А я луплю по клавишам
Безропотной судьбы,
Давным-давно задуманной тобой.*

За год до защиты диплома О.О. взяла академический отпуск, родила меня и серьёзно занялась литературой. На истфак она больше не вернулась. Начала печататься в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя» и других.

Параллельно посещала «переводческие среды» под руководством Вильгельма Левика. Вирджиния Морено, Альфредо Литиатко, Дилан Томас, чешская проза, ангольская поэзия – список переводов О. Чугай можно продолжать долго... Мои самые из них любимые – стихи португальской поэтессы Софии де Мелло Брейнер Андресен. В 1974 году эти переводы были включены в сборник португальской поэзии (издательство «Художественная литература»), а в 2019-м, через сорок с лишним лет, появилась отдельная книга избранных стихотворений де Мелло Брейнер (Центр книги Рудомино).

Саша Чугай, 1 класс

Моя жизнь благодаря маме вся сплошь состояла из историй. Начало и середина 70-х годов запомнились «из-под стола», куда я любила забираться, когда в маленькую 14-метровую комнатку нашей квартиры «на Филях» набивался народ. Мои злодеи назывались по-другому: Боброждественский, Андрюша и Евтух. В комнате они не присутствовали, но регулярно упоминались. Первый был, судя по репликам, доносившимся сверху, вполне положительным, но ворчливым бульдогом. Второй, Андрюша, был очень талантливым, но с лёгким приветом. А Евтух, очевидно, был другом Курицы-красавицы из томика английской детской поэзии.

Позже я поняла, что это взрослые обсуждали стихи Рождественского, Вознесенского и Евтушенко.

За окнами происходил застой и советская литература. Спектры Смога преломлялись и кипели в оконных стёклах, а внутри, в комнате, где я жила с мамой и папой, гостила молодая и громкоголосая тусовка. О. Чугай привечала всех: художников, поэтов, музыкантов, бедных родственников, бродячих собак и бездомных кошек. Никто не выходил отсюда голодным, непризнанным и «без рекомендации». И если браки заключались на небесах, то на Филях возникали помолвки. Мне запомнились две молодые пары: художница Ирина Зайцева и поэт Андрей Чернов, а также Таня Шемаханская (царица нашей гостиной) и Стасик Золотцев...

Своих кумиров из старшего поколения О.О. тоже не забывала. Как-то раз побаловала злодея Боброждественского эпиграммой:

*Россия, космос, вечное движенье,
Да будет так! Всегда к звену звено.
Даже у спины есть продолженье,
Жопа – называется оно.*

Двести десять шагов были пройдены. Дальше начинались годы лирические, полные надежд на публикацию стихотворного сборника. Первая книга Ольги Чугай, «Судьба глины», вышла только в 1982 году. До этого, в семидесятые-непечатные годы, литературой управляли «чиновники в серых пиджаках», и пробить сборник стихов для молодого поэта было крайне сложно. Привожу здесь рассказ маминой близкой подруги, поэтессы Нины Габриэлян: «В 1977 году в Союзе писателей возникла мысль обсуждать только что вышедшие первые книги. Как выяснилось, таковых почти не было, и возникла другая мысль: “А давайте будем обсуждать рукописи”. Инициаторами этого начинания были поэты-фронтовики: Н.В. Панченко, Н.С. Бялосинская и Александр Балин». Вела заседания поэтесса Ирина Волобуева. Так в маминой жизни началась эпоха, именуемая как «Лаборатория первой книги». У неё самой на тот момент ещё не было опубликовано ни одной книги, и она заинтересовалась этим проектом. Зная большое количество молодых и не очень авторов и будучи энергичной по своей натуре женщиной, она создала и возглавила редколлегия Лаборатории. «На заседаниях обсуждались

рукописи неизданных книг с целью, что, может быть, где-то, как-то удастся их пропихнуть в издательство и помочь авторам опубликоваться. Лаборатория просуществовала 13 лет, создавая литературную среду новым авторам. Среди обсуждавшихся были как люди талантливые и абсолютно состоявшиеся, поэты со своей стилистикой и со своим лицом, так и просто люди не без способностей, подававшие надежды. Обсуждено было за это время около 200 рукописей. Никакими рычагами влияния на издательства Лаборатория не обладала, но сам факт, что вроде что-то происходит при Союзе писателей, на издательства как-то действовал, и некоторое количество книг (кажется, около 30) удалось издать» (Н. Габриэлян)

Я помню тонюсенькие сборнички, появлявшиеся у мамы на письменном столе: Лариса Фоменко, Ольга Постникова, Михаил Айвазян, Сергей Преображенский, Нина Искренко, Иван Жданов...

Первыми книжками её друзей заселён шкаф в маленькой комнате на Филях. Сколько их прошло через мамину кухню? «Почти все 200 человек, которые обсуждались, побывали в квартире О. Чугай. Их там поили, кормили, если надо – оставляли ночевать. Ольга оказалась тем человеком, который заботился о животе. Это был редкий тип поэта, который любил поэтов. Дмитрий Кедрин писал: “У поэтов есть такой обычай, в круг садясь, оплёвывать друг друга”. О. Чугай была абсолютно этого лишена. Она влюблялась в поэтов и их поэзию». (Н. Габриэлян)

Набросок к портрету

*Лишь мановение руки,
И протупает понемногу:
Вот эта чёрточка – от Бога,
А та, другая, – от тоски.*

Постепенно вырисовывались контуры нового проекта – сборника стихов из задуманной ею серии «Неизвестная Россия». Идея эта зародилась в конце 80-х годов, при Советском Союзе и в самом начале перестройки. Продолжалось обсуждение «лабораторцев», а параллельно с этим мама стала собирать и другие рукописи. Бахыт Кенжеев, Игорь Иртенев, Алексей Цветков, Евгений Бунимович, Николай Голь... Всего в будущий сборник войдёт 47 авторов.

В 1990–1991 годах выходят «Граждане ночи» – двухтомная антология, первая постперестроечная, ознаменовавшая собой целую серию других коллективных сборников. Впрочем, существовали они уже в более свободном пространстве, называвшемся отныне гордо – Российская поэзия.

А ещё мама руководила молодёжным литобъединением в Университете дружбы народов и студией для совсем юных поэтов, из которой вышли Филипп Николаев, Игорь Караулов, Денис Новиков. Ещё были поездки в Среднюю Азию и замечательные циклы стихов «Старый Мерв», «Поющая роза» и «Парфянская ласточка». Она любила готовить по ночам, курить в постели, мастерить бусы из «туркменских пронизков» и речного жемчуга, говорила мне: «Не свисти в квартире – деньги закончатся» – и собирала пенку от чая себе на волосы – чтобы деньги всё-таки не закончились...

В тёмный декабрьский день 2015 года она ушла, как сама и написала: «Не возвращаются из далёка те, кто уходит по облакам».

«Шура, очнись, кофе убежит», – звучит в голове мамин голос.

*Не отрывай ладони,
Уходя,
Оставь тепло,
В котором грелись двое,
Как сень листвы,
Оставь над головою
Весёлый лепет
Летнего дождя.
.....
Оставь на память, в память уходя.*

Александра Шёненбергер

ОЛЬГА ЧУГАЙ

* * *

Прощай, прощай...
Утиный перелёт
Свершается над Чистыми прудами,
И память возвращается кругами,
И первый лёд
Замёрзшими следами
За памятью по городу идёт...
И снова наши руки на столе,
Привыкшие сердец и рук касаться...

Ольга Олеговна Чугай (1944–2015, Москва) воспитывалась в семье деда, профессора-филолога А.С. Беднякова. В 1964 году поступила на исторический факультет МГУ. Доучившись до последнего курса, решила не защищать диплом, а, по совету профессора П.А. Зайончковского, профессионально заняться литературой. В 1990 году окончила Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Стихи писала с ранней юности, начала печататься с 1965 года в альманахах и литературных журналах («Новый мир», «Юность»). Занималась переводом поэзии с английского, чешского и других языков. Руководила литобъединением в УДН им. П. Лумумбы, молодёжной литературной студией при СП. С 1977 по 1990 год вела «Лабораторию первой книги» при Московской писательской организации. Составитель и автор первой «перестроечной» антологии «Граждане ночи» (М., т. 1 в 1990 году, т. 2 – в 1992-м). Автор двух сборников стихов – «Судьба глины» (М.: Советский писатель, 1982) и «Светлые стороны тьмы» (М., 1995).

Прощай друзьям.
 Их мало на земле.
 Прощай сейчас –
 Навек бы не расстаться!
 Наступит вечер. Лампу принесу.
 В квартире с беспризорными вещами
 Бесчисленных прощений и прощаний
 Из старых писем на пол натрясу.
 И станет осень в комнате царить,
 Сорить бумагой ветхой и бесценной –
 И стану я спокойной и смиренной,
 Но память не смогу заговорить.
 Прощай, прощай –
 Туманы в октябре
 Высасывают сердце без остатка,
 И жёлтая кленовая печатка,
 Звезда, перчатка
 Мокнет на стекле.

Дед

Памяти А. С. Беднякова

Ты стал добычей вечности:
 И тросточка, и шляпа, и портфель,
 Бумагами набитый до отказа,
 Рогатые созданья – Корректурa
 И Кафедра, –
 Они тебя влекли
 Из дому в мир иной,
 А я боялась их,
 Вернее, этих слов...
 И под столом
 Сидел злодей
 По кличке УЧ-ПЕД-ГИЗ!
 Но он меня не трогал.
 Он с тобой
 Дружил,

Тебе писал
Большие письма
В твёрдых сургучах...
Мне – восемь лет.
Я верю в чудеса
И детские досматриваю сны...
Четырежды я прожила тот срок.
И мой удел бумаги, и портфель,
И Корректурa,
И табачный дым,
Точь-в-точь такой,
Как над столом твоим.
Ты стал добычей вечности,
А я
Луплю по клавишам
Безропотной судьбы,
Давным-давно
Задуманной тобой.

Петровск 1947

Казалось – кануло совсем,
И нипочём не вспомнить,
Какие чёрные сомы
Под берегом живут,
И где свиное гнездо,
И сколько в доме комнат,
И почему из года в год
Мелеет старый пруд.
Сутулый доктор на крыльце –
Он кашляет и курит,
Он видит всех людей насквозь,
И это знаю я,
Но тайну тайную храню –
Ведь стоит глаз прищурить,
Как дива дивные плывут
Из мглы небытия.

И я уже четвёртый год
 Живу на белом свете –
 Зелёный маленький Петровск –
 Мой временный приют, –
 Идут шеренги облаков,
 В войну играют дети,
 Их лечат старые врачи
 И плакать не дают...
 Больничный сад,
 Заглохший пруд,
 Роса на паутине...
 Уснуть – вернуться в этот год,
 По дому пробежать,
 За сказки доктора сказать
 Спасибо скарлатине
 И в этот город никогда
 Не приезжать...

* * *

Осенний дым,
                   осенний дым
                           над городом седым.
 Я – с непокрытой головой,
 И ты – с летящею листвою.
 И посвист ветровой.
 Осенний дым, осенний дым –
 Всё – быль,
 И я – в былом,
 И ветер с дымом пополам.
 За книгой, за столом
 Всё взглядом рассказать,
 Ладони дать ладонь,
 Навеки узами связать,
 Потом зажечь огонь.
 Нам быть недолго молодым

В сплошном полёте лет,
Осенний дым, горчайший дым,
Укрой крылом своим!

* * *

Что знаю я о лесе, о реке,
О птице, пролетевшей вдалеке,
И о твоей руке?
О мудром от рожденья муравье,
О колосе, лежащем на жнивье,
О соловье,
Который пел в орешнике вчера?
Что знаю я о пламени костра?
Летучий дым. Слежу его полёт,
И облако кудрявое плывёт.
Темнеет лес, ещё тая тепло,
Ночная птица пробует крыло,
И, вечностью, как воздухом, дыша,
В природе растворяется душа.

* * *

Парфянской ласточке даны
В зеркальной бездне только выси,
А для птенцов ее нужны
Руины храма в Старой Ниссе,
Но в превращении ином
Она была богиней света,
Сестрой поэта,
Детским сном,
Хозяйкой лета.
Парфянской ласточке куда
Из мира нашего податься,
Наткнувшейся на провода,
Ей лучше было не рождаться,

Не строить хрупкого гнезда,
По странной прихоти сюда
Из мглы веков лететь случилось.
Ее невольная беда –
Она не здесь летать училась.

* * *

Не отрывай ладони,
Уходя,
Оставь тепло,
В котором грелись двое,
Как сень листвы,
Оставь над головою
Весёлый лепет
летнего дождя;
Не отрывай
От сердца,
От лица,
От голоса,
От смеха,
От дыханья.
Подводных трав
Сплошное колыханье
Оставь на память,
В память уходя.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Антонина Белова	7
Шалва Векуа	11
Марина Завьялова	12
Вилен Иванов	16
Рита Карамыш	20
Алла Кречмер	22
Василий Мурзин	23
Сергей Черноглазкин	26
Олег Ширяев	29

Проза

Татьяна Баталова	35
Галина Белякова	40
Инна Дёмина	45
Татьяна Летнева	49
Владимир Майоров	55
Василий Поляков	64
Лидия Фахретдинова	73
Рустем Шарафисламов	76

Монологи

Михаил Чердынцев	81

Голоса

«Вот мы и встретились – Здравствуй, душа-недотрога...» <i>Воспоминания об Ольге Чугай. Александра Шёненбергер</i>	103
Ольга Чугай	110